

36

На

K
36

КНИЖКА ВТОРАЯ.

Мѣсяцъ Февраль.

ИЗДАНИЕ
1954

25 月 2 日

7-8/2. m. - 1910

90 20067

Планъ сего Журнала.

I. Науки и искусства;

Въ семъ отдѣленіи помѣщаются будущія статьи собственно до наукъ и искусствъ касающіяся: разсужденія, рѣчи, историческіе очерки и п. ш.

II. Живописная проза;

Ее составляютъ будущія картинныя мѣста изъ авторовъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, въ подлинникахъ и переводѣ.

III. Дѣтское чтеніе;

Повѣсти, нравственные черты, анекдоты.

IV. Стихотворенія;

Оды, посланія, пѣсни и другіе роды стиховъ — по выбору.

V. Харьковскія записки;

Статьи касательно Университета, Ученого, Филотехническаго, Благотворительнаго и Библейскаго Общества; замѣчанія о театрѣ и пр.

VI. Слѣсъ;

Сюда будетъ относиться также Библиографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ, краткія рецензіи, извѣстія о нещасныхъ и разныя увѣдомленія.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ ФЕВРАЛЬ.

I. Науки и Искусства.

О

Малой Россіи.

Лѣтописи времянь протекшихъ свидѣтельствуютъ, сколь было пагубно раздѣленіе Россійскаго Государства на удѣльныя Княженія, произведенное Владиміромъ I мѣ Святославичемъ по неумѣстной любви его къ дѣтямъ. Двѣсти почти лѣтъ Россія терзаема была междоусобіями до тѣхъ поръ, какъ Батый Ханъ Кипчакской Орды налетѣлъ на нее обезсилевшую и покрылъ ее безчисленными своими войсками. Такимъ образомъ пала Россія подъ иго чуждыхъ, варварскихъ народовъ и два вѣка стенала подъ онымъ. Все пользовалось ея изнеможеніемъ; хищные сосѣды алкали что нибудь оторвать отъ нее и присвоить себѣ. Геди...

Великій Князь Литовскій отторгнулъ также отъ Россіи славныя тогдашняго времени Княжества Кіевское, Волинское, Луцкое, Переяславское, Бѣлгородское при Днѣпрѣ, Подолію и Полѣсье — что прежде была земля Древлянская, — и уничтожилъ, завладѣвъ ими, самое наименованіе Княжествъ. Это случилось по Литовской Лѣтописи 1320 года.

И такъ сіи отторженные Россіяне были подъ владѣніемъ Великихъ Князей Литовскихъ даже до 1570 года; но въ семь году самое Великое Княжество Литовское участію войны уничтожено, — жишли и земли онаго присоединены къ Польшѣ; а съ ними вмѣстѣ и Россійскія области перешли во владѣніе Королевства Польскаго.

Королевство или Республика Польская сдѣлала свое распоряженіе въ новоприсоединенныхъ областяхъ и причислила Волинскую, Луцкую съ Подолією и Полѣсьемъ къ малой Польшѣ; а городъ Кіевъ съ его округомъ и другіе города, лежащіе по правую сторону Днѣпра, наименовала *Малою Россією*; города же на лѣ-

вой сторонѣ онаго находящѣся Украинною.

Не задолго предъ симъ жители Волыи и другихъ около нея провинцій, принявъ на себя названіе Козаковъ, — дѣлали набѣги на Татаръ Крымской Орды и даже отваживались въ легкихъ судахъ разбѣжжашъ по Черному морю близъ сѣверныхъ и западныхъ береговъ онаго — и нападать на торгующихъ Грековъ.

Польскому Королю Стефану Баторію пришла счастливая мысль употребить въ дѣло сихъ новыхъ козаковъ: онъ предложилъ имъ составить изъ себя порядочное войско, далъ волю избрать начальника наименованнаго Гетманомъ, — назначилъ для него резиденціею Украинской городъ Терехтемировъ и отвелъ нѣкоторое пространство земли на границахъ своего Королевства, дабы они служили защитою отъ нашествія Татаръ на Польскія владѣнія.

Поляки не довольствовались значительною сею выгодою отъ козаковъ и дѣлали многія притѣсненія и обиды какъ имъ, такъ и жителямъ Малой Россіи и

Украины, — обременяли ихъ несносными работами и отнимали имущества (*). Это казалось бы не совмѣстно съ политикою и ихъ собственною пользою; но политика тогдашняго времени состояла большею частію въ приѣсненіи безъ всякой почти предусмотрительности.

Россія наконецъ начала собирать свои силы — раздробленные и изнуренные; начали быть счастливые обороты для нея и приближалось то время, когда она, свергнувъ съ себя иго чужеземцовъ - варваровъ, готовилась воспріять прежнее могущество и новую славу среди прочихъ народовъ. По изстребленіи самозванцевъ Лжедимишрѣвъ и по низведеніи съ Престола Россійскаго неудачно избраннаго Царя Василія Шуйскаго, въ междуцарствіе, Бояре и Старѣйшины Россійскіе избрали на Царство себѣ Владислава — сына Польскаго Короля Сигизмунда III, — учинили на вѣрность сему Принцу присягу и просили Короля Польскаго, дабы онъ прислалъ въ Москву сына своего царствовать

(*) Польская лѣтопись Коханскаго.

съ тѣмъ однакожъ условіемъ, что бы сей новыи Царь принялъ Трекороссійскаго исповѣданія вѣру. Сигизмундъ не принялъ сего условія; а Бояре Россійскіе и народъ, вдохновеніемъ Промысла, нашли удобный случай разрѣшить себя отъ присяги Владиславу и избрать на Россійскій Престоль Царемъ Михаила Ѳеодоровича — младую и единственную отрасль свѣше благословеннаго племени Романовыхъ.

Оскорбленный симъ Владиславъ съ войскомъ подступилъ подъ Москву и осадилъ ее. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ принужденъ былъ заключить перемиріе и уступить Польшѣ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Почепъ съ нѣкоторыми другими городами, кои остались и при заключеніи мира въ 1619 году подъ владѣніемъ Польскимъ. Сіи города причислены были къ Малой Россіи.

Поляки никогда не довѣряли козакамъ, о коихъ было выше упомянуто; они имѣли въ предмѣтѣ не только обезсилить ихъ, но и совершенно изпребить. Гетманомъ былъ тогда у козаковъ Павлюкъ; онъ взялъ крѣпость называемую Кодакъ. Это

было предложено къ нападенію и Коронный Гетманъ Николай Потоцкій отпра-вляясь съ войскомъ атаковалъ козаковъ въ лагерь ихъ, принудилъ выдать Гетмана Павлюка и четырехъ Спаршинъ, кои отправлены были въ Варшаву и тамъ казнены. Козаки однакожъ удержали свое существованіе и только чрезъ десять лѣтъ не имѣли Гетмана.

Спустя нѣкоторое время вступаетъ на свое поприще Богданъ Михайловичъ Хмѣльницкій — человекъ, коего имя съ уваженіемъ должно быть передаваемо изъ рода въ родъ въ семь краю. Онъ обучался въ Кіевѣ и Польскомъ Ярославцѣ. Возвращаясь въ городъ Чигринъ — мѣсто своего рожденія — жилъ нѣкоторое время въ своемъ домѣ. Сіе-то время было самое бѣдственное, по притѣсненіямъ и насилію Поляковъ, для Малой Россіи и Украйны. Хмѣльницкій чувствовалъ, со-срадалъ и, какъ великій умъ, изыскивалъ средства облегчить участь своихъ со-отечественниковъ. Въ Чигринѣ былъ тогда отъ Польскаго Правительства Подстаростою Чаплинскій. Естественнo, что

такой человекъ наблюдалъ всѣ движенія и даже вывѣдывалъ мысли обитателей для выгоды Польши. Безъ сомнѣнія отъ него не укрылись и намѣренія Хмѣльницкаго: онъ сообщилъ свои подозрѣнія Коронному Гетману Потоцкому, очернилъ предъ нимъ Хмѣльницкаго въ предательствѣ и выпросилъ тайно повелѣнїе, героя сего казнить — какъ бунтовщика. Провидѣнїе спасло Богдана Михайловича: онъ былъ извѣщенъ благо-временно и скрылся къ козакамъ. Люди сїи приняли его съ восторгомъ и зблала своимъ Начальникомъ.

Король Владиславъ IV, узнавъ о поступкѣ Хмѣльницкаго, повелѣлъ немедленно Короннымъ Гетманамъ Потоцкому и Калиновскому собрать армію и идти про-тивъ Хмѣльницкаго. Но сей храбрый воинъ и начальникъ козаковъ грудью встрѣтилъ войско непризательское, далъ сраженіе, разбилъ его такъ, что ма-лѣйшая часть Поляковъ спаслась бѣг-ствомъ, — прочіе всѣ легли на мѣстѣ боя. Сїя славная побѣда не надмила Героя и не удовольствовала его стремленія, — онъ

положилъ дошолъ не покидать оружія, пока Малороссія и Украина совершенно не освободятся отъ ига своихъ притѣснителей. Онъ велъ войну до 1654 года съ успѣхомъ, — и Поляки ни какъ не могли ему воспрепятствовать — занять Украину и Малороссію.

Таковой успѣхъ его оружія заставилъ Сеймы Польскіе принять великія мѣры: собрано войско новое и начальство надъ онымъ поручено Доминику Князю Заславскому — Воеводѣ Сендомирскому, Александру Конецпольскому — великому Хорунжему Коронному и Николаю Остро-рогу—Подчашему Коронному; власть ихъ была совершенно равная ко вреду Польши, къ выгодамъ Хмѣльницкаго. Они двинулись съ войскомъ къ Украинѣ. Герой нашъ былъ уже готовъ ихъ принять; онъ занялъ два замка находившіеся подъ владѣніемъ Польскимъ; укрѣпился въ нихъ и ожидалъ неприятелей. Это остановило Поляковъ; а слухи разпространенные съ намѣреніемъ о силѣ и многочисленности козацкаго войска даже принудили Полководцовъ Польскихъ от-

ступитъ. Они построили лагерь — и вдругъ услышали въ одну ночь, что Хмѣльницкій идетъ на нихъ напасть. Такая самонадѣянность козаковъ и ихъ предводителя разлила ужасъ по стану Польскому, всѣ бросились — не къ оружію а въ бѣгство, — и богатѣйшій ихъ лагерь въ самомъ дѣлѣ доспался въ добычу прибывшему на другой день шуда Хмѣльницкому. Говорятъ, что сему бѣгству былъ также причиною и Князь Заславскій: онъ въ сію роковую ночь получилъ отъ Канцлера Осолинскаго увѣдомленіе о смерти Владислава IV и совѣтъ — поспѣшить въ Варшаву, дабы избрать Князя Казимира Королемъ Польскимъ. Не сказавъ никому о семъ извѣстіи Заславскій скрылся и ускакалъ въ Польшу; это сочтено было трусостію отъ предстоящей неминуемой гибели — и Хмѣльницкій торжествовалъ въ Польскомъ лагерѣ.

По Владиславѣ IV принялъ корону Польскую точно Казимиръ II. Сей Король послалъ къ Хмѣльницкому депутатовъ: объявить отъ имени своего Богдана Хмѣльницкаго Гетманомъ козаковъ при

немъ препроводилъ къ нему булаву, бунчугъ и знамя, а условіе всего было — заключить миръ и пребыть подданнымъ Королю. Но Хмѣльницкій не принялъ предложенія. Казимиръ обратился къ Папѣ; просилъ у него денежной помощи противъ козаковъ и Папа Иннокентій X прислалъ ему — свое благословеніе.

Созванный въ Варшавѣ Сеймъ разсуждалъ, какія употребить способы для усмиренія и покоренія козаковъ и кончился по обыкновенію спорами; поелику Литовскій Депутатъ не согласился съ прочими. Прибѣгли къ Нѣмцамъ: Андрей Требицкій употребилъ все усилія, дабы склонить Нѣмцовъ, на Ратизбонскомъ Сеймѣ, помочь Польшѣ противъ козаковъ; но и это осталось тщетнымъ. Въ это время Хмѣльницкій свободно занимался, находясь въ Переяславлѣ, устройствомъ части страны своей: онъ учредилъ Генеральныхъ Старшинъ и полки Украинскіе и Малороссійскіе съ ихъ чиновниками. Потомъ предпринялъ важнѣйшее и достохвальное по предусмотрительности дѣло: отправилъ въ Москву къ Царю Алексію

Михайловичу пословъ съ изъявленіемъ, что онъ себя лично, Малую Россію и Украйну — согласно съ ихъ волею — предастъ Его Царскому Величеству въ вѣчное подданство прося притомъ, дабы Царь Россійскій, кого изволитъ, прислалъ отъ Себя принять отъ нихъ присягу въ вѣрности.

Царь Алексѣй Михайловичъ отпустилъ послами: ближняго Боярина и Намѣстника Тверскаго Василія Васильевича Бутурлина, Окольничаго и Намѣстника Муромскаго Ивана Васильевича Алферова и Думнаго Дьяка Ларіона Дмитріевича Лопухина. Въ ихъ присутствіи 1654 года Генваря 6 числа Гешманъ Хмѣльницкій, Генеральные Старшины и войска учинили присягу въ вѣрности Рускому Престолу. Въ теченіи того же мѣсяца разосланы были нарочные по Украйнѣ и Малороссіи. Они привели къ присягѣ Духовенство, свѣтскихъ чиновниковъ и народъ. Присяжные листы доставлены были Царскимъ посланникамъ, кои послѣ сего отправились обратно въ Москву.

И такъ Малая Россія съ Украйною, бывъ около 330 лѣтъ подъ чужимъ вла-

дѣиємъ; а города Черниговъ, Новгородъ — Севѣрскъ, Смародубъ, Почепъ и другіе 35 лѣтъ, присоединены опять къ Царству Россійскому — прежнему своему отечеству. Сіи послѣдніе города должны были поступить въ тѣ права, въ коихъ они были прежде отдачи ихъ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Польшѣ; но Его Царское Величество изволилъ подчинить ихъ по воинской и гражданской части Малороссійскому праву.

Гетманъ Богданъ Михайловичъ Хмѣльницкій служилъ со всею вѣрностію Царю Алексѣю Михайловичу и наконецъ скончалъ достославную жизнь свою въ исходѣ 1657 года. Рѣдкіе изъ людей — великихъ сдѣлали столько добра своей отчизнѣ, сколько сдѣлалъ онъ; всѣмъ такимъ людямъ воздвигнушы памятники, всѣ они прославляются въ исторіяхъ и поэмахъ, — а ему служатъ памятникомъ, — его имя только и дѣла; и до сихъ поръ ничто не опличаетъ того мѣста, гдѣ скрытъ прахъ сего великаго мужа! —

И — я Кв — ка.

(Окончаніе въ сл. кн.)

О

Музыкѣ.

(Продолженіе.)

Цѣль музыки есть возбужденіе того, или другаго чувствованія посредствомъ извѣстнаго ряда звуковъ. Но сіе возбужденное чувствованіе не должно быть мгновенно. Иначе для нѣкотораго числа людей довольно было бы какого нибудь жалобнаго, или веселаго голоса, что бы настроить ихъ внутреннее чувство къ такимъ спрашямъ, которые выражаются издающими тошъ голосъ. Но чувство скоро охладѣлобы; поелику всегдашняя одинаковость утомляетъ вниманіе. Если же голосъ сей будетъ основываться на извѣстномъ раздѣленіи, или размѣрѣ (metrum); то дѣйствіе тоновъ сдѣлается продолжительнѣе. Всякое ухо, — какъ натуральное Самоѣда, такъ и приученное Италіянца чувствуетъ необходимость таковаго размѣра. И хотя каждая нація имѣетъ свой собственный ритмъ, какъ мы это видимъ въ народныхъ пѣсняхъ, плясовыхъ мелодіяхъ и церковномъ пѣніи; однако при всемъ

томъ есть еще *Всеобщій уставъ* музыкальныхъ правилъ, основанный на твердыхъ началахъ, одинъ и тотъ же для всѣхъ странъ свѣта. А что всякой народъ, какъ я уже сказалъ, объ однѣхъ и тѣхъ же музыкальныхъ пѣсахъ, судить по своему; причиною тому національный характеръ, большая или меньшая степень образованности и даже родъ занятій. Чѣмъ грубѣе народъ, тѣмъ натуральнѣе бываетъ его музыка, тѣмъ простѣе и рѣже измѣняется его метръ. Пѣснь его бываетъ ничто иное, какъ истинное изліяніе сердца безъ искусственнаго украшенія; громка и свѣпла, какъ ключъ при своемъ истокѣ, — но не какъ ручей, который приемлетъ въ себя другіе источники и течетъ по своему ложу то мутно, то свѣтло, то медленно, то быстро.

Здѣсь для примѣра сочинитель приводитъ Гренландскую пѣсню, въ которой употреблены только восклицанія: *вой, вой*, или изъясняется желаніе: чтобы волки не поѣли оленей, чтобы охота была удачна, чтобы въ короткое лѣто права хорошо выросла и тому подобное.

Сколько просты слова этой пѣсенки, столько проста и ея мелодія. Теперь пусть запоетъ какой нибудь *бравурный* пѣвецъ симъ Гренландцамъ свои рулады, перекашы и другія вычуры; они подумаютъ, что этотъ несчастный помѣшался. Но во Франціи и Италіи рукоплещутъ ему и осыпаютъ его похвалами. Даже между образованнѣйшими націями господствуетъ подобное различіе въ искусственномъ и натуральномъ мѣтрѣ. Нѣмецъ, который все трудное дѣлаетъ любимымъ своимъ занятіемъ, имѣетъ конечно самый трудный мѣтръ. Нѣмецкая арія Моцартова или Гайденова претъему безпристрастному народу, на примѣръ Рускому, не такъ понравится, какъ Италіянская арія Чимарозы, или Паизелля. Пусть запоютъ Неапольскимъ Лазаронамъ Генделеву фугу,—они сдѣлаютъ такую же рожу, какъ и Гренландцы при пѣніи изуродованныхъ пѣщцовъ ихъ; но простая арія, сопровождаемая гитарою, заставитъ ихъ отъ сердца воскликнуть: *браво!*

Одна нація любитъ движенія больше, нежели другая; и потому у каждой изъ

нихъ образуется болѣе скорый, или болѣе медленный метръ. Французъ, самый легконогій человѣкъ въ Европѣ, свиститъ, поетъ, танцуетъ цѣлый день; а когда не можетъ этого дѣлать,—то по крайней мѣрѣ дѣлаетъ онъ комплименты, что бы шѣлу своему давать безпрестанное движеніе. А потому и музыка его также жива, какъ и его характеръ. Испанецъ идетъ медленными шагами на рандеву и на дуэль. Музыка его такова же: она обдумана и метръ ея медленъ. Разность метра наиболѣе видна въ народныхъ пляскахъ; и шутъ опять, касательно скорости, Французы превосходятъ всѣхъ: ибо я не думаю, что бы могъ еще быть танецъ скорѣйшій Галлопада. За нимъ слѣдуютъ кадрили, коншратанцы и пр. Вообще мы во всѣхъ познаніяхъ касательно ногъ много обязаны Французамъ и чего недоспаетъ ихъ музыкѣ изъ головы, то они стараются замѣнить прыганьемъ. Нѣмецкій вальсъ—хотя есть и скорый танецъ; но Нѣмецъ и въ особенноти Австрійецъ любитъ танцовать его въ среднемъ темпѣ; въ этомъ музыкальномъ танцѣ аршистъ

имѣеть довольный случай показать свое искусство въ перемѣнѣ тоновъ и измѣненіяхъ гармоніи; между шѣмъ какъ скучная одинаковость кадрили, или контра-танца ужасно упомляетъ того, который слушаетъ и слѣдственно не имѣеть охоты прыгать.

Поелику, какъ сказано, цѣль музыки есть возбужденіе чувствованія; то и отъ искусства не надобно требовать болѣе того, что оно можетъ доставить для достиженія сей цѣли. Языкъ составленъ для того, что бы мысли выражать словами; а живопись, что бы изображать природу красками;—если же мы захотимъ подражать имъ обѣимъ въ музыкѣ; то преступимъ область сего искусства и оскорбимъ смѣжныя съ нимъ. Морской штурмъ, гроза, землетрясеніе — суть предмѣты для стихотворцевъ и живописцевъ; ониже представленные музыкально имѣють жалкій видъ. Также не покажетсяли всякому смѣшнымъ, если захочемъ музыкально выражать, какъ расстѣтъ трава, или бобы, какъ куры кладуть яйца, или какъ чахотный кашляетъ? Ишакъ чрезъ чуръ великіе

умы, занимающіеся обработываніемъ натуральныхъ картинъ, забываютъ цѣль, для чего природа сдѣлала наше сердце такъ склоннымъ къ музыкѣ и хотятъ слабость своихъ идей и отдѣлки прикрыть пышною мантіею бомбаста. Совсемъ не то бываетъ съ пѣсами, въ коихъ, при подражаніи природѣ, не потеряна изъ виду главная цѣль — возбужденіе чувствованія. Таково Гайденово *Сотвореніе міра*. Его хаосъ выражаетъ совершенно борьбу стихій и при томъ сей безсмертный артистъ не забылъ гармоніи. Возлѣтаніе жаворонка представляетъ онъ восхожденіемъ поновъ изъ глубины въ высоту совершенно натурально. Конской топотъ, журчаніе ручейка и пр., всѣ подобные предметы изображаетъ онъ во всей точности и такъ искусно облекаетъ свою мелодію, что кажется не музыка подражаетъ природѣ, а природа музыкѣ. Теперь напротивъ взявъ вялую Французскую баталію: нельзя удержаться отъ смѣха, когда сочинитель хочетъ насильно заставить насъ представлять себѣ: какъ шумъ пѣхота образуетъ каре, тамъ вру-

бається конница, здѣсь стрѣляютъ изъ ружей, тамъ гремятъ пушки, шумъ Генераль объѣзжаетъ и расставляетъ свои войска, тамъ вопять раненые, здѣсь раздается набатъ горящихъ деревень, тамъ взрываютъ мостъ и еще множество подобныхъ нелѣпостей. Такое сочиненіе возбуждаетъ въ значокѣ только сожалѣніе; а поелику сожалѣніе также есть чувствованіе; слѣдственно авторъ баталіи совершенно достигаетъ своей цѣли. Г.

О

Величинѣ лицъ, изображаемыхъ на картинахъ разнаго рода.

„Was belohnet den Künstler?

Der zartantwortende Nachklang
Und der reine Reflex aus der be-
gegnenden Brust.“

Желая объяснить мѣсто изъ *Теоріи* *приятныхъ чувствованій*, (*Théorie des Sentimens agréables*), въ которомъ авторъ дѣлаетъ замѣчаніе свое на мысли Аббаши *Дюбо*, — мы предаемъ на общее сужденіе на-

ши собственныя о семъ предмѣтѣ мнѣнія въ швердомъ упованіи, что любители изящнаго удостоятъ снисходительнаго вниманія, если не познанія, то первый опытъ и стараніе.

Вотъ слова Французскаго писателя: „здѣсь я долженъ замѣтить съ сочинителемъ *Разсмотрѣнія Поэзіи и Живописи*, что есть предмѣты, кои кажется, какъ „будто должны быть изображаемы въ „уменьшенномъ видѣ. Хотя сей славный „писатель и думаетъ, что нельзя дать „тому причины; но, по моему мнѣнію, она „находится въ характерѣ лицъ. Ибо ве- „личественный видъ не приличенъ лицу „смѣшному,, и т. д.

А вотъ слова Аббата Дюбо, на которыя онъ ссылается: *.

„Не только есть извѣстные предмѣты, „кои выгоднѣе для Поэзіи и Живописи во- „обще; но находятся и такіе, кои болѣе „приличны особенному какому либо роду, „нежели всѣмъ прочимъ на лр. Приноше- „ніе на жертву Ифигеніи идетъ только „для такой картины, гдѣ художникъ мо-

(*) Dubos. Par. I. Chap. XIV.

„жетъ дать изображаемымъ лицамъ извѣ-
 „стную величину. Напротивъ того пред-
 „мѣтъ сей нельзя представить фигурами
 „столь малыми, какія обыкновенно быва-
 „ютъ на ландшафтахъ; такъ какъ и смѣш-
 „ный предмѣтъ не годится изображать
 „фигурами въ натуральный ростъ; а для
 „Венеры неприлично изображеніе сверх-
 „естественное. Пусть не спрашиваютъ ме-
 „ня о физическихъ причинахъ сего при-
 „личія; я не знаю ни какихъ, кромѣ вну-
 „шеннаго чувства, которое насъ къ по-
 „му побуждаетъ и примѣра великихъ
 „живописцевъ, кои сіе приличіе ощущали.“

Вотъ слова сихъ двухъ авторовъ.
 Теперь мы въ свою очередь изслѣдуемъ:
 не лзя ли дать ближайшихъ причинъ се-
 го приличія и неприличія.

Правда, что художникамъ позволяется
 всякой предмѣтъ изображать въ мень-
 шемъ видѣ, нежели какъ онъ есть въ са-
 мой природѣ. Хотя бы они могли при-
 своить себѣ выгоду сію иногда и по не-
 обходимости; но и тогда имъ это такъ же
 бы оставили на ихъ волю, какъ нѣкото-
 рымъ извиняется недостатокъ въ коло-

ришѣ. Но они, по важнѣйшимъ и основательнѣйшимъ причинамъ, на то имѣютъ право. Всѣ предмѣты издали кажутся намъ гораздо меньшими, нежели вблизи; между тѣмъ мы представляемъ ихъ себѣ въ тойже величинѣ, въ которой бы они намъ казались, находясь подлѣ насъ. Точно такъ же мы привыкли видѣть, что растѣнія и животныя, въ юности своей, имѣютъ меньшій видъ, нежели какой онѣ получаютъ въ зрѣломъ возрастѣ. — Напротивъ того, еслибы намъ казались предмѣты, при взглядѣ на нихъ, на всякомъ разстояніи, въ одинаковой величинѣ; еслибы животныя и растѣнія, во всякое время своего существованія, имѣли одинъ и тотъ же видъ: тобы мы упомянутыхъ художниковъ извиняли только въ уменьшеніи естественной величины предмѣтовъ. Но когда бы законы природы были совсѣмъ напротивъ, — когда бы намъ всѣ предмѣты казались вдали большими, нежели вблизи; когда бы растѣнія и животныя со времени своего рожденія до совершеннаго возраста, постепенно уменьшались; — то бы художникамъ, подражаю-

щимъ природѣ красками и фигурами, позволено было всѣ предмѣты представлять въ величинѣ, которою нынѣ называемъ колоссальною и не только бы это позволялось, но по большей части они должны бы были такъ дѣлать. Впрочемъ могли бы и уменьшать предмѣты въ отдаленіи до той только степени, въ которой бы они намъ показались въблизи и даже до которой они нынѣ могутъ быть уменьшены; но безъ сомнѣнія тогда бы столь малая фигура человѣческая, на пр. на печаткахъ вырѣзанная бареліефами, такъ же намъ показалась бы не естественною, какъ малое наѣткое представленное въ величинѣ овцы.

Однакожь нѣкоторыя лица должны имѣть величину болѣе обыкновенной человѣческой; ибо мы представляемъ себѣ ихъ мысленно болѣе, нежели обыкновенными людьми. Фидій изобразилъ своего Зевса столь великимъ, что онъ почти дотрагивалъ до потолка храма. Вѣра Грековъ и описаніе стихотворцевъ приписывали точно такую величину сей фигурѣ; и статуя Фидіева была не иное что, какъ Юпитеръ

во весь его ростъ. И такъ художникъ имѣлъ здѣсь право, прибавить своему изображенію величины сверхъ обыкновенной мѣры чловѣка.

Но почему же мы представляемъ себѣ большую часть Боговъ и Героевъ въ сверхъ естественной величинѣ? — Безъ сомнѣнія причиною сему есть то, что душа наша всегда сопрягаетъ по аналогической связи съ понятіемъ большей величины понятіе и о большой силѣ; „какъ между прочимъ это видно изъ метафорическаго значенія слова *великій*, которое употребительно почти во всѣхъ языкахъ, а въ Еврейскомъ сѣ сказуемое замѣняютъ нерѣдко словомъ Божій такъ *напр.* когда хотятъ приписать существенную величину какому либо предмету, *напр.* горѣ, кедрѣ *илроч.*; то говорятъ: гора Божія, кедръ Божій.“

Не весьма ли мы склонны, особенно въ юности своей, представлять себѣ мужей, имѣвшихъ чрезвычайныя душевныя способности и извѣстныхъ намъ только по Исторіи, людьми одаренными и особенно тѣлесною величиною? Даже и въ

совершенныхъ уже лѣтахъ, намъ не всегда приходитъ на мысль, что и противное сему быть можетъ. Въ Датскомъ языкѣ называютъ великана и героя однимъ именемъ.

Въ замѣчачіяхъ нашихъ, кажется, есть также основательная причина и тому, отъ чего изображеніе нѣкоторыхъ лицъ нельзя увеличить сверхъ естественной обыкновенной мѣры. Возьмемъ въ примѣръ Венеру: Богиня сія должна быть идеаломъ женской красоты; красота же не прибавляется увеличиваніемъ сверхъ-естественной мѣры предмѣта; ибо мы не называемъ ту фигуру красивою, которая не возбуждаетъ въ насъ гармоническихъ чувствованій любви и привязанности, кои должны быть при этомъ главными нашими ощущеніями. — Есть-лижъ мы разсматриваемъ фигуру въ сверхъ-естественной величинѣ; то главныя наши ощущенія суть: удивленіе, боязнь, или почтеніе, смотря по тому, съ какими свойствами сопрягается величина. Положимъ, что такая фигура имѣла бы даже всѣ прочія свойства красоты; но и

тогда красота не была бы главнымъ ея характеромъ. Силы физическія и душевныя суть главныя идеи, кои бы она въ насъ возбуждала; и потому привязанность и любовь должны бы были уступить мѣсто другимъ сильнѣйшимъ ощущеніямъ.

Всѣ выше приведенныя замѣчанія о величинѣ и красотѣ и тогда остаются справедливыми когда мы будемъ разсматривать одно состояніе нашей души. Первая возбуждаетъ удивленіе, почтеніе; другая производитъ въ насъ любовь и привязанность. Катонъ послужилъ бы намъ примѣромъ перваго рода; а Виргилій, или Горацій втораго. Еслижъ придадимъ и Грандиссону нѣсколько больше величины; то прекрасный, любезный юноша совершенно исчезнетъ и превратится въ почтеннаго мужа.

Почему же главныя ощущенія, великостію возбуждаемая, не суть любовь и привязанность? Это другой вопросъ, коего разрѣшеніе моралистъ сталъ бы искать въ самолюбіи, а психологъ, (исслѣдывая происхожденіе нашихъ мыслей, въ отношеніи къ надмѣнности и красотѣ),

въ физическомъ устройствѣ нашихъ чувственныхъ орудій. Сей послѣдній замѣтилъ бы такъ же, что красивые предмѣты всякаго рода имѣютъ извѣстную величину, которую они не должны превосходить.

Еще легче, кажется, можно объяснить, — отъ чего картина, изображающая приношеніе на жертву Ифигеніи, не должна быть представлена такими малыми фигурами, какими украшаются сельскіе виды. Если мы хотимъ обозрѣть цѣлую страну; то мы не должны брать такой точки зрѣнія, съ которой бы предмѣты были къ намъ близки: ибо тогда не могли бы они дѣйствовать на наше зрѣніе; онѣ непременно должны находиться отъ насъ въ извѣстной отдаленности, если мы желаемъ ихъ увидѣть вмѣстѣ со всею страной. И такъ не трудно теперь объяснить, отъ чего этотъ родъ живописи не долженъ намъ представлять фигуръ вблизи: онѣ изображаются только для украшенія страны и не должны привлекать на себя главнаго вниманія зрителя; слѣдовательно ихъ не надобно рисовать ни въ такихъ зачатѣ-

лхъ, ни въ такихъ положенiяхъ, кои бы возбуждали любопытство и заставляли бы разсматривать ихъ вблизи. Вспахивающій поле земледѣлецъ, или пастухъ — сидящій съ своею любезною въ тѣни деревь могутъ ли быть лицами, къ коимъ бы мы захопѣли приблизиться, естѣлибъ ихъ и дѣйствительно видѣли? Первый насъ бы не занималъ; а послѣднихъ не захопѣли бы мы потревожить. А естѣлибъ мы на это и рѣшились; но они, можетъ быть вставши, удалились бы отъ насъ.

Картины же такого роду, какъ Пуссенева Аркадiя, о коихъ Аббатъ Дюбо, такъ же упоминаетъ (*), — не опровергаютъ нашего мнѣнiя; ибо нельзя ихъ называть ландшафтами (сельскими видами), развѣ только въ несобственномъ смыслѣ: потому что въ нихъ страна представлена только для фигуръ; а въ ландшафтахъ между тѣмъ фигуры должны быть представляемы для страны.

Напрошивъ того, такой предметъ, какъ казнь Ифигенiи и вообще все то,

(*) Dubos chap. I. par. I.

что заключаешь въ себѣ страсть — никогда не можешь быть изображено иначе, какъ въ полномъ видѣ. При разсматриваніи такой картины зришель не ищетъ быть въ отдаленіи: ибо всякой чувствуетъ, что еслибы ему случилось быть свидѣтелемъ подобнаго произшествія; то онъ конечно, сколько возможно, старался бы приблизиться, — дабы примѣшнъ въ участвующихъ даже самыя мѣлкія черты лица, не упустилъ ни малѣйшихъ признаковъ страсти. Еще художникъ имѣетъ причину не изображать таковыхъ предметовъ въ маломъ видѣ пошому, что онъ него требуютъ, дабы онъ въ представленіи подобныхъ случаевъ характеризировалъ душу изображаемыхъ имъ лицъ, показывалъ бы всѣ свои способности и высочайшее совершенство своего искусства въ выраженіяхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ; — но это для него было бы невозможно, еслибы онъ для своихъ фигуръ взялъ слишкомъ уменьшенную мѣру.

Наконецъ перейдемъ къ изображеніямъ смѣшнымъ. Дюбо утверждаетъ, будто нельзя представитъ фигуру сего рода въ

натуральный ростъ; но кажется, въ этомъ по крайней мѣрѣ можно сомнѣваться; хотя и сочинитель *Теоріи пріятныхъ чувствованій*, соглашаясь съ симъ мнѣніемъ, старается также доказать его. Человѣческая фигура, въ естественный ростъ, не можешь имѣть такого величественнаго вида, какъ увеличенная фигура; и потому безъ всякаго сомнѣнія можно утверждать, что смѣшныя фигуры въ натуральный ростъ гораздо удобнѣе для сего рода, нежели въ уменьшенномъ видѣ; тѣмъ болѣе, что величина, безъ выраженія силы, есть обильнѣйшее начало изображенія смѣшного: доказательствомъ сего послужить могутъ примѣры славнаго Гогарша.

Христофоръ Стилле.

Екатеринославль.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ.

Милостивые Государи!

Въ бытность мою 1775 года въ Малой Россіи имѣлъ я случай читать письма къ разнымъ чинамъ, писанныя Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ *Григорьемъ Николаевичемъ Телловымъ*; всѣ письма имѣли одно содержаніе: чтобъ присылать къ нему записки, какія у кого находятся, о древности Малой Россіи, также вещи какъ то: монеты, медали и тому подобное. Послѣ узналъ я, что получившіе отъ *Г. Теллова* письма, ни чего на нихъ не отвѣчали.

Возвратясь въ домъ, я самъ написалъ къ *Г. Теллову* представляя, не угодно ли ему будетъ, чтобъ я прислалъ имѣвшійся у меня журналъ о дѣлахъ Мало-Россійскихъ до Гетмана Богдана Хмѣльницкаго; и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Милостивый Государь мой!

Приятнѣйшее Ваше письмо отъ 28 Сентября на прошлой недѣлѣ только я

получилъ и безмѣрно сожалѣю, что оно не прежде до моихъ рукъ дошло; на которое я не укоснилъ тогда же бы вамъ отвѣтствовать.

Сообщеніе, которое вы мнѣ общаете сдѣлать, Журнала Малороссійскаго бывшихъ дѣлъ до Гетмана Богдана Хмѣльницкаго, мнѣ столь и приятно и нужно, что опинюдь не требовало сего отъ меня запроса, надобно ли такой журналъ мнѣ? — Я бы желалъ имѣть такихъ множество, и хотя есть у меня на Французскомъ языкѣ и на Латинскомъ; но вашъ на Рускомъ ни когда для меня лишнимъ не будетъ, а всегда полезенъ, паче нежели другіе; и для того съ нетерпѣливостію васъ прошу оный ко мнѣ съ вѣрною оказіею переслать. Но какъ вы уже знаете мое намѣреніе; то прошу и стараться, чтобъ другіе благонамѣренные съ вами мнѣ въ томъ помогали. Вы знаете, что всѣ Исторіи, о многихъ вѣкахъ писанныя, не сочинялися такими людьми, которые сами все видѣли; но которые разныхъ повѣстей много читали древнихъ и новыхъ и соображали изъ оныхъ то,

что ближе къ истинности подходитъ. Медали же, или старинныя монеты и прочія древности въ землѣ той, или другой найденныя по надписямъ ихъ и по прочимъ на нихъ характерамъ и изображеніямъ не оспоримо часто утверждаютъ истинность времянь и дѣйствій, а паче правительствъ тѣхъ земель, въ которыхъ они найдены, и для меня всё равно, на желѣзѣ ли что, на мѣди, на серебрѣ, или на золотѣ изображено; только бы я зналъ, гдѣ та вещь, или монета найдена и съ обстоятельствомъ. Край Малороссійскій до времянь Рюрика со всѣмъ не извѣстенъ; и многіе почитаютъ его въ тѣ времена пустымъ и необитаемымъ; а нѣкоторые писатели говорятъ, что Скиѣи и Сарматы отъ Чернаго до Балтійскаго моря жили: но всё сѣе одно только гаданіе бездоказательное; а въ самомъ дѣлѣ въ Малой-Россіи многія монеты и вещи вырытыя изъ земли открываютъ совсѣмъ иное и точно по Цесарямъ Римскимъ нѣкоторымъ, каковыхъ только однихъ отъ Тиберія до Коммода время открывается, что было тогда въ Малой-Россіи. Много

бы я вамъ, Государь мой, писалъ о семъ; но времени не имѣю и прошу обѣщанное только исполнить скорѣе, чѣмъ меня премного одолжите. Я же пребуду на всегда

вашъ, Государя моего,
послушнѣйшій слуга
Григорій Телловъ.

Москва 1 Декабря.
1775 года.

Я отправилъ оный Журналъ и обнадежилъ *Г. Теллова*, что буду отыскивать все могущее удовлетворить его любопытству и пересылать къ нему; но смерть *Г. Теллова* прекратила нашу переписку.

Сіе сообщаю вашъ, Мм. Гг. для того, что можешь быть кто нибудь изъ получающихъ вашъ Украинскій Вѣстникъ и имѣющихъ свѣденія о древностяхъ Малороссійскаго края до Рюрика, также монеты древнихъ Римскихъ Императоровъ въ малой Россіи сысканныя, приведешъ оныя въ извѣстность для всѣхъ.

Пребуду и проч.

И. К.

О управленіи людьми.

(Изъ изслѣдованія правилъ политической
Экономіи Стюарта.)

Во всѣ вѣка, во всякой странѣ мы видимъ человѣка постоянно дѣйствующимъ на основаніи собственной выгоды, приличія, обязанностей и страстей. И только въ этомъ одномъ онъ всегда похожъ на себя. —

Сии побудительныя причины производятъ такое разнообразіе дѣяній человѣческихъ, что разсматривая въ природѣ различныя роды животныхъ, не найдешь ни одного, котораго бы недѣлимые такъ мало между собою сходны были, какъ человѣкъ съ человѣкомъ. И такъ неудивительно, что столь мало мы согласны во всемъ къ нему относящемуся.

Человѣкъ, по необходимости и по естественному побужденію, предназначенъ къ общественной жизни; и потому находимъ мы, въ различныя времена и въ различныхъ странахъ, нѣкоторыя формы правленія и подчиненности, принятыя людьми.

Хотя еѣ формы правленія столько же представляютъ различныхъ видовъ, сколько находится различныхъ обществъ; но всѣ онѣ согласны неменѣе въ томъ, что цѣль всякой произвольной подчиненности есть споспѣшествованіе общему благу.

Опытность показываетъ намъ, что добродѣтели и правосудіе правителей въ состоянїи содѣлать общество щастливымъ, каковъ бы ни былъ образъ его правленія. Сїи добродѣтели и правосудіе, соспороны правительсва, предполагаютъ истинную любовь къ цѣлому обществу и разборчивую внимательность къ выгодамъ cadaго класса людей.

Дѣянїя, какъ и все прочее, бываютъ хороши, или худы только *относительно*. Нѣтъ ничего запутаннѣе *отношеній* общественнаго состоянїя, — и труднѣе всего найти истинну, когда она теряется въ *сихъ отношенїяхъ*.

Изъ сего не должны однакожъ мы заключать, будто бы каждое дѣйствіе правительсва было сомнительно и не извѣстно въ своихъ отношенїяхъ: одни изъ нихъ очевидно хороши, другїе явственно

дурны. Среднія между ними всегда менѣе важны; и чѣмъ болѣе кажутся онѣ сложными для проницательнаго взора, тѣмъ менѣе находятъ ихъ значительными въ ихъ ближайшихъ послѣдствіяхъ.

Правительство должно быть безпрестанно въ дѣйствіи и обращать особенное вниманіе на послѣдствія новыхъ учрежденій.

Одна опытность покажетъ то, чего не могъ предвидѣть человѣческій умъ; основываясь на ней можно смѣло поправлять ошибки, какъ только это нужно будетъ.

Всѣ правительства имѣютъ свои законы *коренные*; но могутъ ли существовать коренные законы между людьми, существами пакъ непостоянными? Единственный коренный законъ, *благо народа* (*Salus populi*), долженъ быть относительнъ, какъ и все прочее; но и онъ не естьли болѣе положеніе, нежели законъ?

При всемъ томъ полезно, и даже необходимо для каждаго Государства имѣть нѣкоторыя законы, которые были бы предполагаемы какъ коренные, или непремѣняемые, — которые бы могли обузды-

вашъ гордость частныхъ лицъ, и вмѣстѣ показывать правителю кругъ и границы плана правленія, какой опытность признала наиболѣе соотвѣтственнымъ духу народа.

Сїи законы можно почитать даже неизмѣняемыми, естли Государство не подвержено перемѣнамъ и замѣнательствамъ: ибо въ такомъ случаѣ перемѣны производятъ постепенно и усматривающіяся лишь малымъ числомъ людей проникательныхъ, сравнивающихъ нравы и обычаи народа въ различные эпохи и при различныхъ обстоятельствахъ.

Мы положили, что каждое дѣйствіе правительства должно стремиться къ пользѣ народа; съ такою же увѣренностію скажемъ, что для содѣланія его счастливымъ, должно управлять имъ сходно съ его духомъ.

Чтожь надобно разумѣть подъ духомъ народа, и до какой степени долженъ онъ имѣть вліяніе на правленіе каждаго общества?

(Продолженіе впрѣдъ).

Съ Франц. Мих. Грибовскій.

ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Греческая Весна.

(Изъ Борнелеми).

Въ щастливой странѣ, гдѣ я обитаю, весна подобна зарѣ прекраснаго дня: тамъ наслаждаются благами, кои она приноситъ и шѣми, кои обѣщаетъ. Солнечное сїянїе не помрачается грубыми парами; оно не разгорячается отъ пламеннаго вида песьей звѣзды: это чистый, неизмѣняемый свѣтъ, который мирно покоится на всѣхъ предмѣтахъ; это свѣтъ, коимъ Боги вѣнчаются на Олимпѣ.

Когда заря является на горизонтѣ, — деревья колеблуть свои раждающїяся листья; берега Илисса отзываются пѣнїемъ пшницъ, а отголоски горы Гиммета дукомъ сельскихъ свирѣлей. Когда же она готова бываетъ погаснуть, — небо облекается блестящимъ покровомъ, и Апшическія Нимфы робко выступаютъ на мураву, чтобы начать легкія пляски: но вскорѣ она разцвѣтаешь, — и тогда не жа-

лѣютъ уже ни о свѣжести ночи, которой лишились; ни о дневномъ свѣтѣ, который предшествовалъ ей. Кажется, новое солнце поднимается надъ новою вселенной и приноситъ съ востока цвѣты, еще неизвѣстные смертнымъ. Каждая минута прибавляетъ новую черту къ прелестямъ природы; съ каждою минутой великое твореніе развитія существъ приближается къ своему совершенству.

Свѣтлые дни! прекрасныя ночи! Какое движеніе возбуждалъ въ душѣ моей сей рядъ картинъ, кои вы представляли всѣмъ моимъ чувствамъ! Богиня ушѣхъ — Весна! я нынѣшній годъ видѣлъ тебя во всей твоей славѣ. Ты, какъ побѣдительница, протекала поля Греціи и бросала съ головы своей цвѣщы, кои должны были ихъ украсить. Ты являлась въ долинахъ, — онѣ превращались въ смѣющіеся луга; ты являлась на горахъ, — тиміанъ и полевой пминъ дышали пысячью благовоній; пы поднималась на воздухъ, — и разливала на немъ ясность твоихъ взоровъ. Услуживые Амуры слезались на твой голосъ; они повсюду бросали пламенные стрѣлы,

земля отъ нихъ возпламенялась. Все возраждалось, чтобы украшаться; все украшалось, чтобы нравиться. Таковымъ являлся мѣръ, выходя изъ хаоса, въ тѣ щастливыя минуты, — когда человѣкъ — ослѣпленный жилищемъ, въ коемъ обиталъ — удивленный и довольный своимъ бытіемъ, казалось, имѣлъ умъ для того-только, чтобы познать щастіе — сердце, чтобы желать его, — душу, чтобы его ощущать.

Гонорскій.

Боги Греціи.

(Изъ К. Делрео).

Обильное воображеніе Грековъ населило мѣръ многими Божествами. Впрочемъ сія чудная и запутанная богословія имѣетъ свои пріятности. Она была украшена всемъ, что-только вкусъ можетъ произвести упоеннѣйшаго. Страсть къ свободѣ, чистота воздуха, разнообразіе мѣстоположеній, изящество произведеній, случайности природы, красота неба: сіе пріятное совокупленіе производило въ чувствахъ Грековъ сладост-

нѣйшїя движенїя, и располагало умы ихъ къ живѣйшимъ изображенїямъ, а сердца къ прїятнѣйшимъ наслажденїямъ. Для нихъ природа была жива и одушевлена: все окружавшее ихъ казалось одарено чувствомъ и разумомъ. Зрѣлище моря представляло имъ самую щегольскую свиту божествъ: Нептунъ на своей колесницѣ и Амфитрипа, въ сопровожденїи прекраснѣйшихъ Нереидъ, съ легкостїю пробѣгали его поверхность. Зефиръ нѣжно колыхалъ его воды; а естли иногда наглый Борей и возмущалъ его волны; но имѣли еще надежду усмирить его жертвоприношенїями. Богъ, присутствовавшїй теченїю рѣки, склоненный на свою урну и увѣнчанный тростникомъ, съ нѣжностїю смотрѣлъ на пляски Нимфъ, коимъ воды его служили убѣжищемъ. Источники и водопады были кристальными грошами, гдѣ жили Наяды. Ореады обитали на горахъ. Бывало, въ уединенїи лѣсовъ, видишь себя посреди толпы Дрїадъ, Фавновъ и Савировъ, коихъ смѣшной видъ представлялъ противуположность съ стройнымъ станомъ Нимфъ, спаравшихся уйти отъ нихъ. Г.

Аполлонъ Бельведерскій.

(Изъ Винкельмана.)

Изъ всѣхъ древнихъ статуй, избѣгнувшихъ ярости варваровъ и могущества времени, Аполлонова безспорно есть изящнѣйшая. Художникъ составилъ сие твореніе по идеалу и вещества употребилъ не болѣе, какъ сколько потребно было на то, чтобы изобразить свою мысль. Сколько описаніе Аполлона, сдѣланное Томеромъ, превосходитъ описанія сдѣланныя другими стихотворцами; столько сие изображеніе превосходитъ всѣ другія изображенія сего же самаго Бога. Ростъ его выше человѣческаго; положеніе величественно. Вѣчная весна, подобная царствующей въ щасливыхъ поляхъ Элисейскихъ, облекаетъ его прекрасное тѣло любезной юностию, и блистаетъ съ пріятностію въ тонкомъ строеніи членовъ. Чтобы чувствовать все достоинство сего образцоваго произведенія искусства; потщись проникнуть въ область невещественныхъ красотъ и сдѣлайтесь, есть-

ли можно, творцемъ небесной природы; ибо путь нѣтъ ничего смертнаго, нѣтъ ничего подверженнаго человѣческимъ нуждамъ. Въ семь шлѣ не разгорячаются жилы, не напрягаются нервы: небесный духъ, какъ тонкій паръ, обращается во всѣхъ округлостяхъ сей удивительной фигуры. Богъ сей преслѣдовалъ Пизона, противъ котораго онъ въ первый разъ напрягъ свой ужасный лукъ: въ быстромъ стремленіи своемъ онъ его настигъ и нанесъ ему смертный ударъ. Въ высшей радости, божественный взоръ его проникаетъ будто въ безконечность и простирается далѣ побѣды. Презрѣніе видно на губахъ; негодованіе, коимъ онъ дышетъ, надуваетъ его ноздри, и восходитъ до бровей; но вѣчный неизмѣняемый миръ запечатленъ на его челѣ; и взоръ его исполненъ пріятности, какъ будто бы онъ находился посреди Музъ, его ласкающихъ. Изъ всѣхъ изображеній Юпитера, намъ оставшихся, вы ни въ одномъ не увидите отца Боговъ такъ близкимъ тому величію, съ каковымъ онъ являлся нѣкогда уму Гомера, какъ въ чертахъ

представляющихъ здѣсь его сына: особенныя красоты всѣхъ Боговъ соединены въ семь образѣ, какъ въ образѣ Пандоры. Сіе чело — Юпитера, заключающее Богиню мудрости; сіи брови маніемъ своимъ являютъ его волю: это большіе глаза царицы Богинь; а уста его, — тѣ самыя, которыя вдыхали страсть въ милого Бранхуса. Прекрасные волосы его, подобные нѣжнымъ ошпыскамъ виноградной лозы, волнуясь около головы, какъ бы колеблемы тихимъ дыханіемъ Зефира. Они, кажешся, намащены эссенціей Боговъ, и небрежно накинута на вершину головы его рукою Грацій. При видѣ сего образцоваго произведенія забываю весь міръ; что бы съ большей важностію созерцать его, самъ я принимаю благородный видъ. Отъ удивленія перехожу къ изумленію; чувствую, грудь моя расширяется и подмается, какъ у тѣхъ, копорые исполнены духомъ пророчествъ: я переносусь въ Делосъ и въ священныя рощи Ликеи — въ тѣ мѣста, кои Аполлонъ чтить своимъ присутствіемъ. Образъ стоящій передъ моими глазами, кажешся, начинаетъ двигать-

ся, какъ нѣкогда красота родившаяся изъ
подъ рѣзца Пигмаліонова. Но какъ опи-
сать тебя, не подражаемое твореніе?
Для сего потребно, что бы само иску-
ство воодушевило меня и водило перомъ мо-
имъ. Чершы изображенныя мною, я кладу
къ ногамъ твоимъ; подобно тѣмъ, кои,
не могли достать до головы божества
ими покланяемаго, оставляють у ногъ его
вѣнцы, которые они хотѣли бы возло-
жить на него. *Гонорскій.*

Ніагарскій Водопадъ.

(Изъ Шатобріана).

Скоро приблизились мы къ водопаду,
возвѣщавшему о себѣ ужаснымъ ревомъ.
Его составляетъ рѣка Ніагара, которая
выходитъ изъ озера Эри и втекаетъ въ
озеро Онтаріо. Отвѣсная высота его про-
стирается до ста сорока четырехъ фу-
товъ. Отъ озера Эри до паденія рѣка
печетъ по крупому скапу; а въ самомъ
паденіи она не столько походитъ на рѣ-
ку, сколько на море, коего потоки шре-

мятся въ зѣяющую хлябь бездны. Нїагарскій водопадъ раздѣляется на двѣ отпрасли и сгибается наподобіе подковы. Между сими двумя эпоками выдается островъ, подрывъ снизу, и висящій со всѣми деревьями своими надъ хаосомъ водъ. Воды, стремящіяся къ полдню,—округляются на подобіе обширнаго цилиндра, потомъ разстилаются, какъ снѣжная скашерьшь и блещутъ различными цвѣтами; а ниспадающія къ востоку теряются въ ужасномъ мракѣ: кажется, это столпъ воды пошопной. Тысячи радугъ сгибаются и пересѣкаются надъ бездною. Волны, ударяясь въ зыблющуюся скалу, отскакиваютъ въ видѣ пѣннаго вихря, который поднимается надъ лѣсами, какъ дымъ великаго пожара. Сосны, дикіе орѣшники, скалы подобныя привидѣніямъ украшаютъ еѣ зрѣлище. Орлы, увлекаемые печеніемъ воздуха, кружась спускаются во глубину бездны; и каркажу цѣпляются хвостами въ концы наклоненныхъ вѣтвей, чтобы знатать въ пропасти разбитые трупы лосей и медвѣдей.

Глафира Шушлянская.

Буря и змѣнная пещера въ Перу.

(Изъ Мармонтеля).

Глухой шумъ возвѣщаетъ брань между вѣтрами. Вдругъ они обнаруживаютъ ярость свою въ ужасныхъ свистахъ. Темная ночь застилаетъ небо и сливаетъ его съ землею. Молнія, раздирая сей черный покровъ, увеличиваетъ еще болѣе мрачность его. Тысячи разкашывающихся и по видимому перескакивающихъ съ горы на гору громовъ, слѣдуя одинъ за другимъ, производятъ ревъ — упиhaющій и опять возстающій, подобно реву волнъ. Гора отъ ударовъ грома и вѣтровъ трясется, разверзается, по ея ребрамъ съ ужаснымъ шумомъ ниспадають быстрые потоки. Испуганные звѣри бросаются изъ лѣсовъ въ долины; и при блескѣ молніи, при блѣднѣющихъ пунника видятъ проходящихъ мимо себя львовъ, тигровъ, рысей, леопардовъ — трепещущихъ, подобно имъ самимъ: въ сей общей опасности нѣтъ уже звѣрства, — страхъ все укрощилъ.

Одинъ изъ проводниковъ Алонза въ ужасѣ взобрался на вершину утеса. Спрямившись въ порывахъ пошохъ низвергается утесъ и увлекаетъ его; дикій за него ухватившійся вращается вмѣстѣ съ нимъ въ волнахъ. Другой Индѣецъ думаетъ спастись въ дуплѣ дерева; но огненный столпъ, вершиною касающійся облаковъ, низходитъ на сѣе дерево и пополяетъ его съ несчастнымъ, въ немъ сокрывшимся.

Между тѣмъ Молина изнемогалъ борясь съ быстрой водою. Онъ ползаль во тѣмѣ — хватаясь то за сучья, то за корни попадавшихъ ему деревь, — не думая о своихъ спутникахъ, не имѣя другаго чувства, кромѣ спасенія собственной жизни: ибо естъ минуты ужаса, въ кои всякое состраданіе перестаетъ, въ кои человекъ — предавшись самому себѣ — бываетъ чувствителенъ только къ себѣ.

Наконецъ, ползя, приближается онъ къ подошвѣ крушаго утеса, и, при блескѣ молніи, видитъ пещеру, коей глубокая мрачность въ другое время оледѣнила бы его ужасомъ. Измученный, изнуренный ошъ усталости, онъ бросается на дно

сей пещеры, и тамъ, принося благодареніе небу, падаетъ безъ чувствъ.

Наконецъ буря укрощается; громы и тѣшры перестаютъ колебать гору; воды пошковыхъ, утишась, болѣе не ревутъ во кругъ — и Молина ощущаетъ благотѣтельную силу сна, разливающуюся по его жиламъ. Но въ ту самую минушу, какъ онъ хочетъ заснуть, шумъ, ужаснѣе самой бури, поражаетъ его.

Сей шумъ, подобный пренію кремней, производилъ отъ множества змѣй, коимъ пещера сія служила убѣжищемъ: сводъ былъ покрытъ ими, и они-то, переплещись, движеніемъ своимъ производили сей шумъ, который разпознаетъ Алонзо. Онъ зналъ, что ядъ сихъ змѣй тоиѣе всѣхъ ядовъ; что онъ вдругъ воспаляетъ кровь во всѣхъ жилахъ, и несчастнаго, имъ зараженнаго, снѣдаетъ посреди несносныхъ мученій. Онъ слышитъ ихъ; ему кажется, они пресмыкаются вокругъ него, висятъ надъ головою, ползутъ другъ на друга, и готовы броситься на него. Бодрость въ немъ ослабѣвая оставляетъ его; кровь ошываетъ отъ ужаса; чуть смѣетъ онъ

дышать. Онъ хочетъ выползти изъ сей пещеры; но боится руками, или ногами наступить на какое нибудь изъ сихъ опасныхъ пресмыкающихся. Изнуренный, трепещущій, неподвижный, окруженный тысячею смертей онъ проводитъ должайшую ночь въ несносной мукѣ; желая и боясь увидѣть свѣтъ; упрекая себя въ страхѣ, окончившемъ его, и стараясь перемочь себя, ницетно хочетъ преодолѣть сію слабость.

Наставшій день оправдалъ боязнѣ его. Онъ почно увидѣлъ всю опасность, которую представлялъ себѣ, — она показалась ему еще ужаснѣе. Должно было или умереть, или спастись. Съ трудомъ собираетъ онъ послѣдній остатокъ силъ; медленно поднимается, сгибается, и опершись руками на дрожащія колѣна, вылезаетъ изъ пещеры такъ изможденъ, такъ блѣденъ, какъ привидѣніе вышедшее изъ гроба. Таже буря, которая подвергла его такой опасности, спасла его: поелику она столько же устращивала змѣй, какъ и его самого. Таково свойство всѣхъ животныхъ, что они, какъ скоро видятъ се-

Въ опасности, перестаютъ быть зло-творными.

Ясный день утѣшилъ природу, послѣ опустошеній ночи. Земля, какъ бы спасенная отъ разрушенія, повсюду представляла печальные опломки. Лѣса, кошорые за день возвышались до облаковъ, склонились къ землѣ; другіе казались еще въ ужасѣ. Холмы, кои передъ глазами Алонза округлялись подъ зеленымъ покровомъ, разверзшіеся на подобіе пропастей представляли ему свои разтерзанныя нѣдра. Старыя, вырванные съ корнемъ деревья, низринутыя съ высоты горъ сосны, гаякъ, каобо, кедры — простершыя, разлѣянныя по равнинѣ, покрывали ее своими изломанными пнями и раздробленными вѣтвями. Опорванные острия утесовъ являли слѣды полоковъ; ихъ глубокія рытвины обложены были ужаснымъ множествомъ кропкихъ, лютыхъ, робкихъ и свирѣпыхъ животныхъ, потопленныхъ и изверженныхъ водами.

Между тѣмъ воды етекли; лѣса и долины оживились отъ лучей раждающагося дня. Небо казалось примирившимся

съ землею и улыбалось ей въ знакъ любви и благости. Все, что еще дышало, снова начинало наслаждаться жизнью; птицы, дикіе звѣри забыли свой ужасъ: ибо скорое забвеніе нещастій есть даръ, который дала имъ природа и въ которомъ она отказала человѣку!

Г. III.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

ЮСТИНЪ,

или добрый братъ.

(Показанъ изъ Бланшарда.)

Однажды по утру въ Іюлѣ мѣсяцѣ Г. де Бомонъ прогуливался по окрестностямъ жилища своего, подъ высокими тѣнистыми деревьями. За нѣсколько шаговъ отъ себя онъ услышалъ голосъ двухъ дѣтей, которые разговаривали между собою; онъ полюбознѣвшевалъ ихъ видѣть, — и потихоньку сквозь деревья подошелъ къ нимъ. Это были: мальчикъ лѣтъ 14-ти и дѣвочка

ю, или 11-ти, — оба очень бѣдно, но весѣм
опрятно одѣтые, и благородный видъ ихъ
не давалъ почти замѣтить ихъ бѣдности.
Каждый изъ нихъ ѣлъ съ большою охотою
кусокъ пеклеваннаго хлѣба и нѣсколько
вишенъ; все показывало въ нихъ совершенное
внутреннее довольство. Подлѣ нихъ ле-
жали на правѣ двѣ маленькія кошомки и
два посошка: это было знакомъ, что они на
чужой сторонѣ и путешествуютъ.

Когда они оканчивали свой завтракъ; —
то явился еще и третій путникъ — по-
виду и сихъ двухъ бѣднѣйшій, — старый,
опытный воинъ съ палкою и на дере-
вянной ногѣ, медленно тащившійся по до-
рогѣ, которую палило солнце. Мальчикъ
сидѣлъ влѣву и поклонился; дѣвочка въ
то же время сказала: *здравствуйте су-*
дарь. Старый воинъ, обрадованный па-
кою учтивостію, приостановился, что-
бы посмотреть на нихъ; и въ недалекомъ
разстояніи увидѣвъ воду, спросилъ у
дѣтей: годится ли она для питья? —
Не думаю, отвѣчала Юшинъ; но я въ ней
прохолодилъ свое питье *и*, еслии угодно
вамъ, возьмите, утолите свою жажду; оно

будешь гораздо лучше воды этого ручья. — Благодарю тебя, дитя мое! сказалъ пушникъ; однакожь я не хочу лишить васъ того, что вамъ въ такой жаръ самимъ нужно. — О не беспокойтесь сударь; у насъ есть еще что пить; — и съ симъ словомъ Юстинъ подаль кувшинчикъ висѣвшій у него на боку. — Ну, когда такъ, — то пожалуйста, сказалъ служивой. — Онъ пилъ, какъ человѣкъ изтомленный жаждою, — и выпилъ всё изъ кувшинчика; а Юстинъ также весело и пустой его привѣсилъ къ своему боку.

Спарикъ, поворачивая на дорогу, проговорилъ: благослови васъ Богъ, мои дѣти! вы стоите быть счастливыми. — Когда онъ удалился не много, — то дѣвочка сказала: знаешь ли, Юстинъ, вѣдь ты солгалъ; — ты сказалъ, что у насъ есть еще что пить, а только и было — и у насъ ужъ ничего больше нѣтъ. Ты говоришь правду, Юлѣюшка; но Богъ безъ сомнѣнія проститъ мнѣ сію ложь. Потому что, еслибы я сказалъ правду, — то бѣдный воинъ ни за что не согласился бы пить; а вѣдь отсюда и до самой ближней деревни

не такъ близко, особенно же для человѣка съ деревянною ногою. Ты сама видѣла, какъ онъ утомился идя по разкаленной отъ солнца мостовой. Да! я во всю жизнь спалъ бы укорять себя въ жестокости! Неужь ли ты не примѣтила, съ какимъ чувствомъ сказалъ онъ намъ: благослови васъ Богъ, мои дѣти? Это *благослови Богъ* проникло во глубину сердца моего, — и будь увѣрена, сестрица, что Богъ точно благословитъ насъ, какъ желалъ пушникъ! —

Г. де Бомонъ сильно былъ тронутъ, смотря на производившее и слыша весь разговоръ. Ему очень хотѣлось прижать къ сердцу столь рѣдкихъ дѣшей; однакожь онъ еще остался за кустарникомъ въ той увѣренности, что и еще будемъ свидѣтелямъ поступка столь же хорошаго; столь благороднаго и при томъ столь же простаго, какъ и этошь.

Завтракъ кончился, — и Юстинъ сказалъ сестрѣ своей: ну Юліюшка, — намъ надобно повторить твой послѣдній урокъ, покуда отдыхаемъ мы подъ этими прекрасными деревьями. Мнѣ можетъ быть

не всегда будетъ время заниматься съ тобою; такъ воспользуемся шеперешнимъ свободнымъ временемъ. — Очень хорошо, брашець; въ самомъ дѣлѣ намъ здѣсь прекрасно; — довольно еще времени намъ будетъ и на то, чтобы пройти двѣ оставшіяся мили. — Сказавши это она потчасъ вынула изъ своей кофмки книжку и съ легкостію начала читать веселую исторію. Какъ скоро кончила, — то брать похвалилъ ее. — Теперь посмотри, не забыла ли ты того, чему я училъ тебя изъ Географіи: хоть и самъ не больше знаю ее, какъ и ты, — да всё это не много лучше, нежели ничего. — Потомъ началъ онъ спрашивать съ приятностію, осперегаясь при томъ, чтобы не сказать чего нибудь превышающаго дѣтскія понятія. Дѣвочка отвѣчала съ охотою, — и радость каждый разъ сверкала въ глазахъ ея, когда она замѣчала, что брать былъ ею доволенъ. Юстинъ поцѣловалъ въ лобъ сестру свою; — Хорошо, хорошо, миленькая! ты ничего не забыла; учишь тебя весело! — Особливо, когда учишь брашець; ты такъ добръ, что я разбра-

нила бы себя, естли бы ничему отъ тебѣ не научилась. И эно много бы тебѣ опечалило, ая нехочу такъ дѣлать; хочу, чшобъ ты всегда любишь свою маленькую Юлію. — Ошвѣшомъ на сѣ былъ — новый поцѣлуй. Благодарю тебѣ, сестрица, за твои ко мнѣ чувства: онѣ тѣ самыя, кои наша бѣдная матъ намъ заповѣдала на смершномъ одрѣ.

Такая картина брашской любви очаровала Г-на де Бомонъ. Дѣти, сказалъ онъ про себя, кои такъ хорошо начинаютъ жить, — вѣрно будутъ добродѣтельными людьми и заслуживаютъ въ самомъ дѣлѣ бышь щасливыми. — Онъ подошелъ къ нимъ. Дѣти, какъ скоро увидѣли его, съ почтеніемъ встали; но онъ принудилъ ихъ опяшь сѣсть и самъ подлѣ нихъ сѣлъ. Онъ говорилъ о добромъ согласіи между ними и очень хвалилъ молодого человѣка за попеченіе о своей сестрѣ. — Кшожь еще станеть заботиться о бѣдной Юліѣ, когда она для сего не имѣеть въ мірѣ никого, кромѣ меня? — Такъ вы сироты, дружки мои. — Ахъ, шочно такъ сударь, и судишже, — должно ли намъ

любить другъ друга! — Чѣмъ же вы живете? — Какъ чѣмъ, сударь! — отвѣчалъ Юстинъ съ нѣкоторою важностію, — я работаю. —

И это слово здѣлало новое впечатлѣніе на сердце Г-на де Бомонъ. — Вижу, дитя мое, что жизнь ваша украшена всѣми добродѣтелями и вы точно заслуживаете быть щасливы, какъ сказалъ вамъ старый пущникъ. Не сомнѣвайтесь же въ томъ, что Богъ благословитъ васъ. — Юстинъ покраснѣлъ и смѣшался, какъ будто здѣлалъ какой нибудь проступокъ, — и, казалось, стыдился того, что видѣли — какъ онъ оказывалъ небольшую услугу опешавшему воину. Эта скромность еще больше сдѣлала его любезнымъ. Разговоръ самый благосклонный со стороны Г-на де Бомонъ кончился снисканіемъ полной довѣренности, которая очень не трудна была для молодаго человѣка: ибо онъ всю жизнь свою не здѣлалъ ничего такого, чего бы не могъ пересказать цѣлому свѣту. — Догадываюсь, мои дѣти, что вы до сихъ поръ не очень были щасливы; разкажете же мнѣ свои приключенія,

откройте ваши маленькія предпріятія: можетъ быть я могу быть вамъ полезенъ.

Ахъ, сударь — сказалъ Юстинъ; если вы можете дать мнѣ занятіе; то я за это вамъ буду очень признателенъ. Вы видите, что я имѣю надобность трудиться для моей сестры и для самаго себя. — Будь спокоенъ съ этой стороны; я постараюсь найти занятіе по возрасту и силамъ своимъ. Но скажите мнѣ, кто вы таковы? чтобы я лучше зналъ, что могу дѣлать для васъ.

Увы! мы дѣти бѣдныхъ родителей; и, чтобы однакожъ ни случилось съ нами, мы должны еще и за это благодарить Небо. Родившись и возросши въ бѣдѣ, мы привыкли почитать себя богатыми, когда имѣемъ чѣмъ удовлетворить первыя наши потребности. — Однакожъ, мой, другъ, твои сужденія и чувства со всѣмъ другое показываютъ происхожденіе, нежели какое ты самъ себя приписываешь: деревенскій жишель твоихъ лѣтъ не умѣетъ ни говорить, ни обходиться такъ какъ ты. Не обманываешь ли ты меня? — Покорно благодарю, сударь, за

доброе мнѣнїе, какое вамъ угодно имѣть обо мнѣ; но похвалы ваши позвольте оп-нести на щотъ моей бѣдной матери, ко-торой одолженъ я всемъ, сколь это все ни мало. Она была дочь умнаго человѣка, посвятившаго себя воспитанію юноше-ства; она передала и мнѣ тѣ не многія правила и познанія, которыя сама по-лучила отъ отца своего. Небо не поз-волило намъ долѣе наслаждаться ея нѣж-ностію и попеченіями, — мы лишились ея!.. — Чѣмъ же занималась мать ваша? И развѣ она была вдова, что вы ни слова не говорите объ отцѣ своемъ?

„Ахъ, Боже мой! Едва могу вспо-мнить, видѣлъ ли я отца своего. Слышалъ я только, что онъ по любви женился на моей матери — и не здѣлалъ ее чрезъ то щастливѣе. Онъ не былъ злымъ человѣ-комъ, — нѣтъ; къ несчастію онъ только былъ худо воспитанъ, любилъ забавы, у-бѣгалъ трудовъ и страшился всего боль-ше на свѣтѣ — бѣдности. Какъ скоро у-видѣлъ онъ недостатокъ въ нашемъ до-мѣ; то удалился изъ него, — оставилъ да-же нашу сторону и пошелъ въ солдаты:

съ тѣхъ поръ мы его болѣе не видали. Да проспишь мнѣ Богъ то, что сказа-
лъ: у меня совсѣмъ не было намѣренія оху-
ждать отца своего! добрая мать моя,
имѣя столько причинъ жаловаться, тыся-
чу разъ твердила мнѣ: Юсипъ! если ты
нѣкогда увидишь отца своего, — почи-
тай его, душа мое; — и не помни моей
скорби Милая матушка! Твои же-
ланія будутъ исполнены: если только
буду имѣть удовольствіе найти его, —
покажу всё почтеніе къ нему и ни одного
не промолвлю слова о слезахъ пролитыхъ
тобою!

„Увидя себя оставленною моя мать
очень много плакала; она взяла насъ на
колѣни и сказала: бѣдные дѣти мои! У
васъ никого нѣтъ больше въ цѣломъ мірѣ,
кромѣ меня, — у меня, кромѣ васъ! — Я была
еще малъ; но помню, сударь, всю ея го-
ресть. Я старался утѣшать её, — гово-
рилъ, что буду заботиться о моей се-
стрицѣ Юліюшкѣ, которая едва начи-
нала ходить; между тѣмъ какъ она,
бѣдная мать моя, будетъ трудиться
для доставленія намъ дневнаго пропита-

нїя; я увѣрялъ, что когда буду болышой, стану трудиться въ свою очередь для нея и она проведетъ свою старость въ покой. Эти дѣтскїя слова, на кои нельзя было полагаться, нѣсколько подѣйствовали на ея сердце; она отерла свои слезы, взяла меня на руки, прижала нѣжно и сказала: „да услышишь шебя Богъ, мой милый сынъ! еслибы ты не былъ другомъ живой матери — я умерла бы съ печалью.“ Она потомъ показывала постоянно твердость, какой нельзя было ждать отъ бѣдной, безпомощной женщины, и трудилась для доставленїя намъ всего нужнаго. Едва жаворонокъ начиналъ свои пѣсни въ поляхъ — мать моя вставала, брала свое шипїе — и оставляла его тогда только, какъ воли поздно уже возвращались въ клѣвъ. Зимой сидѣла она за работою при свѣчѣ за полночь; — и это бывало, сударь, всякой Божїей день: въ нашей хижинѣ не было ни праздника, ни отдыха. Въ одни только Воскресенья мы имѣли время сходить все вмѣстѣ въ церковь помолиться, Богъ есть прибѣжище бѣднымъ, говорила мать моя; и мы были бы слишкомъ не благодар-

ны, естли бы забыли Его: Онъ одинъ только насъ никогда не оставляетъ!»,

„Я, исполняя обѣщаніе, старался съ моей стороны о Юліюшкѣ. Слезы моей матери дали мнѣ понять, каково ей было горестно и я, благодаря Бога, имѣлъ столько ума, что поведеніемъ своимъ ей не прибавлялъ еще печали. Иногда мы вмѣстѣ разговаривали о нашемъ несчастіи; и сія — то довѣренность съ ея стороны — открывала во мнѣ умъ, казавшійся не по моему возрасту. Теперь, сударь, когда начинаю разсуждать, вижу, — что сіи первыя несчастія не испортили моего нрава и свойства: они удалили отъ меня разстѣянность и вдохнули охоту къ трудамъ; по крайней мѣрѣ такъ всѣ мнѣ говорятъ. И въ самомъ дѣлѣ, какого дѣляши, кто бы онъ ни былъ, — видъ плачущей матери отъ боязни, что не можетъ она дать ему куска хлѣба для утоленія голода, — какого дѣляши душу не пронетъ этошь видъ, не заставишь думать, не разкроешь разумъ его преждевременно? — Такимъ образомъ, какъ скоро могъ здѣлаться полезнымъ, я всѣми силами старался не быть безъ дѣла: то хо-

диль по подлѣсью и сбиралъ сухія сучья; по слѣдуя за жнецами подбиралъ колосья, которые они роняли; — а приходя домой чрезвычайно радовался, что доставлялъ это хотя слабое вспоможеніе нашей бѣдности. Я почиталъ себя истинно щастливымъ, когда примѣчалъ, что средства умножаются отъ моего небольшого труда. Такое начало поощряло меня къ большему; а мать и еще больше ободряла, платя за все это ласками! —

„Въ вечеру, какъ мнѣ больше дѣлать было нечего, я садился подлѣ нея и занимался чтеніемъ, или письмомъ, или другой какой нибудь наукою. „Старайся, Юстинъ, старайся какъ можно скорѣе учись, говорила она; потому что ты будешь учить въ свою очередь сестру твою. „Я и дѣлалъ это въ самомъ дѣлѣ, — былъ Юліюшкинымъ учителемъ съ того самого времени, какъ она стала знать А и Б — и продолжаю до сихъ поръ.

„Я уже имѣлъ честь говорить вамъ, что мать моя получила воспитаніе отъ-чуждое отъ того, какое даютъ деревен-

скимъ жителямъ; она хотѣла, чтобы и мы наслаждались тѣмъ же благомъ: естли я не могу оставить имъ достатка, — пусть они по крайней мѣрѣ умѣютъ жить съ честію между людьми — вотъ что повторяла она часто. Такимъ образомъ, хотя мы одѣшны были всегда также, какъ всѣ крестьяне — и хотя въ деревнѣ не было семейства и дровосѣковъ бѣднѣ нашего: однакожъ мы опличались нашею учтивостію, нашимъ умѣньемъ говорить; и мать моя своимъ поведеніемъ, своими разсужденіями приобрѣтала себѣ всеобщее уваженіе: съ нами обходились всѣ почти, какъ будто бы мы были богатые.

, Мы были бѣдны; но не были несчастны. Мать моя говорила:, когда кто трудится, и ни за что не можетъ себя укорять; тогда долженъ благословлять Бога и ѣсть съ радостію кусокъ хлѣба, который Онъ благоволилъ низпослать., Что мы и дѣлали; и естли бы моя мать могла забыть лица нашего столь много ею любимаго, — то мы бы ни о чемъ больше не печалились. Мы подросли — и я сущевенно началъ дѣлаться полезнымъ; на-

ти пособія умножались, а бѣдность удалалась отъ нашего жилища. Мы располагали; — но Богъ опредѣляетъ; и часто, какъ говорила мать моя, посмѣвается человѣческимъ разпоряженіямъ. Да будетъ Его святая воля! —

„Въ это время пришла горестная вѣсть о нашемъ отцѣ: онъ на одномъ сраженіи шакъ опасно былъ раненъ, что положили умереть ему; прибавляли къ тому, что онъ показывалъ величайшую скорбь — не имѣя возможности примириться прежде смерти съ своей женою и обнять дѣтей. Мать моя — у ней было самое нѣжное сердце! — тотчасъ намъ сказала: „дѣти мои! послѣдній часъ отца вашего пришелъ — исполнимъ долгъ свой: пойдемъ уладить своимъ присутствіемъ, своими попеченіями сей страшный часъ. Она жертва безъ сомнѣнія изтощитъ наши средства; но Богъ намъ поможетъ. Мы послѣ опять примемся за работу и не будемъ имѣть горестнаго воспоминанія, — что оставили умереть въ отчаяніи того, кто ожидалъ только нашего утѣшенія.“ —

Мы съ Юліею въ одинъ голосъ повтори-
ли: пойдёмъ утѣшить отца нашего! —

„Сборы у насъ не были долги; мы про-
дали почти всё, что имѣли и пустились
въ дорогу. Сто миль надлежало пройти
намъ, — и конечно должно было быть
толь священное побужденіе, чтобъ рѣ-
шиться на такое путешествіе да еще и
пѣшкомъ: достатокъ не позволялъ намъ
иначе. Мать наша имѣла мужество; мы
ещё её не оставляли, — и случилось намъ
сперва попадаться на извозниковъ доволь-
но челоуѣколюбивыхъ, кои позволяли намъ
садиться на ихъ повозки, доставляя пѣмъ
величайшее одолженіе — особливо для
маленькой Юліи. Пять дней уже мы бы-
ли въ сей дальней дорогѣ и надѣялись,
что Богъ благоволитъ намъ прибыть ко
времени — обнять отца своего, принявъ
его благословеніе и ласки. Но къ неща-
стію мать моя съ нѣкотораго времени
была не очень здорова; а на серединѣ до-
роги шакъ ей здѣлалось худо, что мы
принуждены были остановиться въ одной
деревнѣ. Машушка думала покоемъ на нѣ-
сколько дней поправить свое здоровье;;

но на другой же день болѣзнь оказалась и продолжительною и опасною. Мы слышали мнѣніе всякаго вокруг насъ : наша бѣдность наводила уже заботу нашимъ хозяевамъ; а потому и не принуждали себя столько, чтобы не проговорить ничего могущаго привести насъ въ уныніе.

„Услышавъ худыя предсказанія о положеніи моей матери я былъ внѣ себя, — бѣгалъ во кругъ дома и ревѣлъ отчаянно; умолялъ небо, — умолялъ даже людей отъ безпредѣльной горести. Юлія также плакала; но, будучи оспорожиѣ, не рыдала громко и даже мнѣ напоминала, что наши вопли, дошедши до слуха ма-мушки, разшерзають еще больше сердце ея. Увы! она и то уже чрезмѣрно страдала и спраданія самыя ужасныя произходили не отъ болѣзни, а отъ мысли — что оставляетъ насъ въ мѣрѣ однихъ, въ нашъ возрастъ, въ странѣ, гдѣ намъ никто незнакомъ! Представленія Юліи заглушали мою горестъ; я выдумывалъ средства — пособить моей матери. Мнѣ сказали, что въ деревнѣ есть лѣкарь и я побѣжалъ къ нему.„ Спасите нашу мать,

сказаль я упавши ему въ ноги, — и всё, что мы ни имѣмъ, будешь вамъ за то награда., Онъ улыбнулся на мое обѣщаніе: конечно платье на мнѣ разтолковало ему, что это всё, что ни имѣли не слишкомъ здѣлаешь его богатымъ! Однакожь онъ пошолъ со мною, посмотрѣлъ больную, сказаль ей три или четыре слова, покачалъ головою, приказаль кой-какія лѣкарства съ видомъ очень темнымъ, ушолъ, — и больше не бываль.

„Видь, какъ онъ покачалъ головою, меня сразилъ: я догадался, что нѣтъ уже ни какой надежды и — слезы у меня полились; я не имѣлъ силы удержать ихъ даже при моей бѣдной матери. Она меня увидѣла и всё узнала, что происходитъ въ моемъ сердцѣ., — Подойди ко мнѣ, Юстинъ, — сказала она; приближся и ты, милая Юлія. Вотъ чѣмъ оканчивается всё, мои дѣти!... Я должна умереть и, въ эти послѣднія минуты, быть терзаема незнаніемъ, — что съ вами столь малыми станется въ странѣ, гдѣ ни кто не прострѣтъ руки къ вамъ?... Куда вы пойдете, мои малыя бѣдняжки? Вы

теперь за 50 миль отъ деревни, гдѣ родились и гдѣ ничего вамъ не оспалось; — такіяже 50 миль надобно пройти вамъ и прийти туда, гдѣ, можешь быть, давно уже нѣтъ отца вашего на свѣтѣ. Куда же вы пойдете?... Ахъ! да помилуетъ васъ Богъ: ибо скоро Онъ одинъ только вамъ останется прибѣжищемъ! . . .

„Окончивъ слова сїи она горько плакала и долго немогла говорить. Рыданія наши обратили еѣ къ намъ и она сказала: „ничего не оставляю вамъ, мои дѣши; но я научила васъ любить другъ друга — и вотъ всё ваше наслѣдство! Помогайте же одинъ другому на пути жизни; это къ тебѣ особенно относится Юсинъ, — ты побольше; будь защитникомъ сестры своей; — и если хочешь выполнить весь долгъ свой, коему я тебя научила, — клянись мнѣ, что ты никогда не покинешь этой бѣдной малюшки, или что по крайней мѣрѣ не твои употреблешь къ тому силы. — Это умножило наши слезы и всхлипыванія не одинъ разъ прерывали мой голосъ, когда я произносилъ клятву — не покидать сестры своей.

„Безъ сомнѣнїя мать моя видѣла, что я искренень и рѣшился совершенно исполнить свои обѣщанїя; потому что съ сихъ поръ она казалась спокойнѣе...»,

Но я долженъ извиниться передъ вами, сударь, прервавши свои приключенїя, сказала Юстинъ; поелику разказываю то, что ни мало не занимаетъ васъ. Я щастливъ, когда говорю о моей матери, — то воображаю, что и вамъ нравится разговоръ сей. При томъ же это заставляетъ плакать Юлію, какъ будто бы это было въ тотъ день, когда наша мать обняла насъ въ послѣднїе. Простите, сударь, ей; ибо вы видите, — она еще дитя.

Говоря такимъ образомъ онъ самъ утиралъ слезы, кои противъ воли вырывались у него. Онъ хотѣлъ казаться швердымъ предъ постороннимъ человѣкомъ, — и не былъ для сего нечувствительнымъ. Г. де Бомонъ не одинъ разъ то же утиралъ свои слезы и легко угадывалъ тайныя движенїя его сердца, — отчасу лучше думалъ о семъ молодомъ человѣкѣ и видѣлъ, что гордость и чувствительность

были въ немъ равны. Онъ убѣждалъ его продолжать свою повѣсть и, не опасаясь, говорилъ все, что ему понравится самому.

„Въ такомъ случаѣ, сударь, — опять началъ Юстинъ, — я буду пользоваться вашею благосклонностію по моему произволу; а ты, милая Юлія, проходишь немного здѣсь въ окрестности, покуда Господину будетъ угодно меня слушать: прогулка развеселитъ тебя. — О, я знаю, что ты хочешь сказать, прервала Юлія; но здѣлай милость оставь меня, — обещаюсь право болѣе не плакать. — Ну-инъ останься; мы къ горешнямъ и то уже привыкли!

„Итакъ—я разказывалъ вамъ сударь, о послѣднихъ минутахъ моей махери. Сказавши одинъ разъ, что ей приходится умереть, — она о другомъ ни о чемъ уже болѣе не говорила; но это составляло для насъ превосходные уроки, кои забывать намъ никогда не должно. О! эти уроки сильно насъ тронули и, слава Богу! мы ничего изъ нихъ не позабыли: намъ все еще кажется, будто мы видимъ нашу мать разпростершую на смертномъ одрѣ,

сбирающую послѣднія силы и обучающую насъ добродѣтельной жизни. Мы были бы самыя негодныя швари, естли бы такое воспоминаніе могло вышпи изъ нашей памяти, изгладиться въ нашемъ сердцѣ! —

„Четыре дни прошли въ семь горестномъ положеніи; въ пятый мать наша почувствовала, что пришелъ уже конецъ ея: она едва могла дышать и говорила съ великою трудностію. — Ну, Юстинъ, — сказала мнѣ положивши свою охладѣвшую руку на мою, — я совѣтовала тебѣ быть честнымъ человекомъ и ты общался; чрезъ нѣсколько минулъ меня не будетъ болѣе: не забудь, дитя мое, заплатить за всё, что на насъ здѣсь издержали, — это будетъ первый опытъ твоей честности. Знаю, что оставляю тебѣ очень мало; но бѣдность не даетъ права — позабывать долгъ нашъ. Отдай даже послѣдній кусокъ хлѣба, который будетъ въ рукахъ твоихъ, — естли ничего не будетъ у тебя больше. Обѣщаешь ли ты мнѣ это, сынъ мой? — Обѣщаю, мамушка, — отвѣчалъ я. — Ну когда такъ; то я умираю нѣсколько спо-

койнѣ, — сказала опять она. Потомъ нѣ-
сколько времени молчала и видно было въ
ней сильное страданіе. Она попросила
пить, — я бросился подать ей; но рука ея,
ища стакана, упала въ изнеможеніи, гла-
за помутились; она произнесла нѣсколько
словъ, коихъ мы не могли разслушать.
Наконецъ, здѣлавъ усиліе, сказала доволь-
но вняшно: обнимитесь, мои дѣти! обни-
митесь еще разъ прежде смерти моей... —
Мы обнялись съ сестрицею, потомъ обер-
нулись къ ней, — и, — о Боже мой! гла-
за ея остановились, ротъ полуотверстъ...
и мы не имѣли уже больше матери! —
Нѣтъ! Она уже больше не суще-
ствовала! „

(Продолженіе впродъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ

Псаломъ 43^й.

Боже, ушима нашими слышахомъ.

Мы слышимъ нашими ушами, —
Опцы повѣдаютъ по намъ,
Какими, Боже, Ты дѣлами
Явилъ себя своимъ сынамъ, —
Во дни и ихъ самихъ,
Во дни и предковъ ихъ.

Ты самъ всемошною рукою
Тебя не чпущій родъ изгналъ;
Ты самъ сынамъ своимъ десною
Въ наслѣдье мѣсто показалъ, —
Всѣ роды истребилъ
И ихъ тамъ водворилъ.

Не собсвеннымъ мечемъ достигла
Они наслѣдственной земли;
Не мышцею своей воздвигли
Трофей; — Тобою обрѣли:
Ты далъ имъ крѣпость силъ,
Ты благослѣ имъ явилъ!

Ты Царь мой — Богъ въ благихъ
обильный!

Спаси Иаковлихъ сыновъ. —

Тобой единымъ ставши сильны

Мы поженемъ своихъ враговъ,

И именемъ Твоимъ

Противныхъ побѣдимъ!

Я не на лукъ мой уповаю, —

И не спасетъ меня мой мечъ:

Въ Тебѣ всю крѣпость полагаю;

Ты силенъ отъ враговъ сберечь!

Тобой спяжавши честь,

Речемъ: *Се Богъ нашъ есть!*

Теперь Ты, Боже, насъ отринулъ (*)

И предаль всѣмъ народамъ въ срамъ;

Сыновъ своихъ, какъ чуждыхъ, кинулъ, —

Не спутствуешь во браняхъ намъ:

Мы предъ своимъ врагомъ

Назадъ бѣжимъ съ стыдомъ.

(*) Руской Поэтъ раздѣлялъ чувства свои съ Пѣснопѣвцемъ Израилевымъ при одинаковыхъ обстоятельствеяхъ: Псаломъ сей писанъ во время брани Израиля съ Иноплеменными языками; переведенъ на Руской языкъ 1812 въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Прим. Издаш.

А памѣ злодѣй нашъ полновластный
Изъ нашихъ грабить всё домовъ; —
И мы, какъ агницы безгласны,
Тобой даны на снѣдъ волковъ!

Лишась жилищъ своихъ
У чуждыхъ ищемъ ихъ!!—

Безъ всякаго себѣ стяжанья
Ты чуждымъ предаль свой народъ;
Сосѣдамъ далъ насъ въ поруганье,
Въ посмѣшище — Іаковль родъ, —
Всѣмъ въ срамошу и спудъ,
Что окрестъ насъ живущъ.

У всѣхъ Ты въ прищучь насъ поставилъ,
У всѣхъ въ презрѣнье положилъ;
Въ безчестіи меня оставилъ,
Стыдомъ лице мое покрылъ
Предъ злымъ клеветникомъ,
Предъ вражіимъ лицомъ.

Все то исполнилось надъ нами; —
Но не забыли мы Тебя:
Къ Тебѣ привержены сердцами,
Хранимъ свидѣнія Твоя, —
И жизнь свою ведемъ
Твоимъ свяшымъ пущемъ.

Почтожъ, низринувъ въ преисподню,
 Ты мрачной ночью насъ покрылъ? —
 Колю мы забыли власть Господню,
 Колю чуждыхъ кшо боговъ почтили;
 Не Богъ ли възыщеть сихъ —
 Всевѣдецъ тайнъ людскихъ? —

Превѣчный! мы на умерщвление
 Твоею волей отданы:
 Какъ будто овцы въ заколенье
 И въ снѣдь людей осуждены; —
 Почто Ты спишь? — Проснись
 И милоспиви явись! —

Почто Ты взоръ свой отвращаешь,
 Забывъ скорбь нашу съ нищетою?
 На землю вергивись мы, Ты знаешь,
 Какъ грудью бьемся предъ Тобой: —
 Возстани въ помощь, Боже мой!
 Спаси Твоихъ людей
 По благоспи Твоей! —

Ив. Срезневскій.

Къ И. И. Д — ву.

*(Писано во время вторженія Французовъ
въ Россію, Октября 1812)*

О ты, который тамъ живешь,
Куда стремлюсь я лишь душою!
Почто такъ долго не найдешь
Часа бесѣдовать со мною? (*)

Иль въ той же зонѣ дружбы жаръ
Не томъ же вѣчно пребываетъ?
Иль другъ о другѣ забываетъ? —

О! не забудь хоть тѣхъ минутъ,
Которы я дѣлилъ съ тобою:
Какъ вѣдать, что они придутъ
Опять съ щастливой къ намъ судьбою? —
А вспоминанье прежнихъ благъ
И въ томъ улыбку производитъ,
Кто жизнь злощастную проводитъ. —

Быть можетъ, что война всю кровь
Палишь твою — и застужаетъ;
Быть можетъ къ отчеству любовь
Въ тебѣ всѣ чувства заглушаетъ; —
Быть можетъ ты, какъ Славянинъ,

(*) Въ это время Д — въ жилъ на родимой стѣнѣ
сочинишеля, отъ нея удаленнаго.

Кипишь противъ злодѣйской силы: —
Тогда — забудь меня, мой милый!

Тогда и чья Россійска грудь
Не рвется отъ убійствъ тирана, —
Какъ трупами услалъ онъ путь
Отъ стѣнъ Москвы до Океана; —
Какъ сей престольный, славный градъ
Изрытъ имъ, взорванъ и дымится,
Какъ все въ немъ стонеть и крушится? —

Тогда — леги подъ знамена,
Надъ коими орелъ летаетъ;
И смерть того — какъ жизнь — красна,
Кто за Россію умираетъ:
Она за нашъ воюетъ миръ; —
Презрѣнъ лавръ, гнусна корона,
Кто нашей жаждетъ крови, стона!! —

Пусть, пусть ты тамъ и смерть
найдешь —

Падешь любви къ отчизнѣ жертва;
Пусть даже имя погребешь
Свое подъ прахомъ шѣла мертва: —
Но меньшело мы трехъ сощъ Спартанъ
И безымянныя могилы
Слезамъ чтимъ у Термопилы? —

А естлибъ вихремъ лишь честей
Твой духъ ко брани порывался;

Тогда бь — добру ты былъ злодѣй
И другомъ не имяновался! —
Что за проклята честь — лишь кровь?
Что за чудовищно мечтанье —
Цѣль жизни ставить въ воеванъ? —

Для мира и возможныхъ благъ
На свѣтъ сей человекъ родится, —
И потъ лишь въ вѣчныхъ тѣхъ спранахъ
Благими вѣчно насладится,
Кто въ жизни сей отдастъ отчетъ;
Какъ бышь лишь добрымъ онъ учился,
Какъ всѣхъ любить по вѣрѣ тшилъ.

Минуты сладкія прошли,
Какъ жись такъ вмѣстѣ мы учились!
И сколько зрѣлищъ на земли
Съ разлуки нашей премѣнились! —
Бышь можетъ суждено и намъ
Тамъ, гдѣ все въ вѣчность претворится, —
Лишь тамъ опять соединиться.

Чего нельзя перемѣнить;
Одно терпѣнье то смягчаетъ.
Безъ горести — нельзя прожить:
Она — намъ радость улучшаетъ.
Примѣровъ тьмы, что одному
Въ покоѣ — счастье не дается;
Другой — при счастьѣ сердцемъ рвался.

А я щастливъ моею судьбой;
Тебя лишь нѣтъ, Д — въ, со мною —
И духъ безвѣстность мучить мой:
Что здѣлалось въ сей годъ съ тобою? —
Но естѣли ты, гдѣбъ нибылъ, живъ;
Пусть другъ о другѣ извѣстится —
И прежняя радость воскресится! —

Ф — ии.

Одинъ изъ моихъ вечеровъ.

(Подражаніе Биргеру)

Ужъ тѣни вечерни исчезли;
А слезы все льются изъ глазъ, —
И нова надежды измѣна
Изсохшее сердце крушить!
Спокойная Нина уснула, —
Веселы мечтанья во снѣ;
Къ весельямъ на завтра проенется,
И въ радости кончить свой день: —

Несчастный, склоняся главою
На руку, сажу я безъ сна
И завтра сей самой порою
Печальныхъ очей не сомкну!

Ахъ! сжался, отъ спраси стараю, —
Суровость ты, Нина, смягчи.
Иль, Боги, мученья прервите,
Скорѣ скончайте мнѣ жизнь!

Не внемлешь.... ты пигровъ люте! —
И тускнешъ слезящій мой взоръ!!
О Боги, скорѣ, скорѣ; —
Въ могилѣ покой лишь найду! —

Въ Альбомъ Дѣвицъ. . . .

Не новостью блеснуть, иль мыслей
опростою
Хочу въ Альбомѣ вашемъ я;
Приятнѣй будетъ для меня,
Когда останешесь довольны вы строкою: —
Всегда чтобъ радостью вашъ
взоръ блисталъ,
И груди тяжкій вздохъ во
вѣкъ не волновалъ!

Н. М — дн.

Пѣснь Іосифа въ неволѣ.

(Изъ Битовѣ).

Мнѣль цвѣтами украшать себя?
Мнѣли пѣсни пѣть веселыя?
Мнѣль моей рукой дрожащею
Спроить лиру сладкогласную? —
Звуки радостные, громкіе
Для несчастныхъ не родилися!
Въ сторонѣ родной — возлюбленной
Эхо, часто ты ихъ слышало
И съ весельемъ отзывалося. . .
Но на семъ пустынномъ берегу
Что мнѣ пѣть? И кто послушаетъ
Пѣснь веселую несчастнаго?
Стануль славить нѣжность дѣшскую,
Иль любви утѣхи сладкія? —

Имена священные, милыя,
Скорбь лишь мрачну пробуждаете!
Стануль пѣть природы прелести, —
Чистыя струи журчащія,
Тѣнь, цвѣтки, прохладу лѣтнюю? —
Все лишилось красоты своей
Для меня осиротѣвшаго,
И лишь можетъ быть свидѣтелемъ
Щастія на вѣкъ увядшаго. . . —

Боже, Существо верховное!
Ты, Кому въ часы щастливыя
Возсылалъ мольбы усердныя;—
Возмогуль теперь я въ горести
Пѣть хвалы Тебя достойныя?
Съ сей минуты, до щастливыхъ дней,
Онѣмѣюшь звуки лирные;
Или только будушь слышимы
Споны жалобны нещастнаго...
Лейтесъ, лейтесъ слезы горкѣя
И потоками обильными
Облегчите вы тоску мою!—
Ахъ, когда бы съ сей минутою
Испустить послѣдню жалобу
И слезу излить послѣднюю!..

Николай Фраголи.

Посланіе къ А. И. Левшину.

Другъ мой, все теперь забыто
Я на родинѣ моей!
Вотъ и поле то открыто,
Вотъ и шумный потъ ручей,—
Гдѣ съ невинною душою!
Я младенческой спопою

Берега его шопшалъ.
Ахъ, теперь не шопъ я сталъ! —
Гдѣ бывало, въ часъ полуденной,
Я подъ сѣную древь лежу;
Тамъ съ головой на грудь склоненной
Я въ поскѣ теперь брожу. —
Жаль, мой другъ, зачѣмъ не вѣчно
То спокойствіе сердечно
Насъ хранить отъ жизни бѣдъ;
Лишь взросшемъ — его ужъ нѣтъ!
Вспомнимъ нашу юность вмѣстѣ, —
Вѣдъ младенцемъ всякъ бывалъ
И герой грядущій къ чести
Въ колыбели также спалъ: —
Чуть, бывало, на востокѣ
Встанетъ солнце и въ потокѣ
Золотымъ блеснетъ лучомъ;
Я прощаюся со сномъ:
Съ посѣдѣвшею главою
Старый, вѣрный мой слуга,
Осторожною рукою
Пробудивъ меня слегка,
Говоритъ мнѣ рѣчью смѣлой:
Встань, родной, — вѣдъ свѣтъ ужъ бѣлой,
И въ посѣлѣ ты одинъ,
Какъ роскошный господинъ.

Я, сквозь сонъ его внимая,
Вое лѣнился и лежалъ;
Лишь глазѣнки проширая
Дашь заснуть мнѣ умоляя; —
Но старикъ ногой сердито
Застучишь — и все забыто —
Я въ минуту былъ готовъ,
И лѣтъ къ ушѣхамъ вновь. —
Часто добрые сосѣды
Съѣдущя бывало къ намъ,
И, какъ вспомяшь юность дѣды,
Тутъ меня зовутъ къ гостямъ:
При гостяхъ стою учтиво; —
Лишь за дверь, тамъ вдругъ решиво,
На бокъ голову склоня,
Представляю я коня.
Иногда прошу я няньку,
Въ скучны зимни вечера,
Разсказать старинну сказку
Мнѣ про лютаго Царя:
Какъ онъ дочь свою Всемилу
Въ цвѣтѣ лѣтъ вогналъ въ могилу; —
Другъ твой слушалъ — и не разъ
Слезы лилъ рѣкой изъ глазъ. —
Гдѣ то время дорогое,
Гдѣ тошъ юный вѣкъ искашь?

Ихъ ужъ нѣтъ, и намъ иное
 Чувство суждено познать.
 Мы теперь не плачемъ болѣ;
 А вздохнемъ лишь въ ратномъ полѣ,
 Гдѣ гремящею трубой
 Позовутъ на смертный бой!...
 Но когда Судьба намъ судить
 Смерти ужасы пройти;
 Какъ приятно, Левшинъ, будешь
 Кровь родной опять найти! —
 Мы разстанемся съ тобою; —
 Но, покрытый сѣдиною,
 Можешь быть тебя порой
 Навѣстить другъ вѣрный твой.

Д. Козинцевъ.

Мое желаніе.

Въ печали, въ горести провелъ цвѣ-
 тущи дни; —
 Не вижу входа я въ щастливый храмъ До-
 брады.
 Когдажъ окончатся страданія мои? —
 За все бы я желалъ лишь сей одной на-
 грады.

Ведоръ Покровский.

ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

РѢЧЬ,

*Произнесенная въ первоѣ собраніи Харь-
ковского Библейскаго Общества однимъ
изъ Вице-Президентовъ онаго, Г. Предво-
дителейъ Губернскихъ Слободско-Укра-
инскаго Дворянства А. О. Квиткою.*

Имѣя щастіе третье прехлѣтїе пред-
сѣдательствовать въ знаменитомъ сосло-
віи Слободско-Украинскаго Дворянства,—
я былъ удостоенъ отъ Васъ, Мм. Гг.! че-
сти быть избраннымъ также и въ пред-
сѣдатели нашихъ Обществъ *Благотворе-
нія и Филотехническаго*. Теперь, въ довер-
шеніе Вашихъ ко мнѣ милостей, избрали Вы
меня Вице-Президентомъ и въ насѣль *От-
дѣленіи Россійскаго-Библейскаго Общества*.

Я не могу достойно возблагодарить
Васъ, немогу въ полной силѣ выразить тѣхъ
признательныхъ чувствованій, которыя
довѣренность Ваша и благоразположеніе
возбуждаютъ въ душѣ моей! — Слабымъ
только знакомъ сей признательности бу-
детъ — мое неутомимое стремленіе удов-

летворить ожиданію Вашему и самое сильное желаніе — дѣйствовать всегда для чести и пользы всего нашего Сословія.

Съ сею-то честью, съ сею нашею пользою не разрывно соединено и учреждаемое нами теперь *Библейское Общество*. При первомъ возрѣніи оно, можетъ быть, не представляетъ всей своей пользы въ истинномъ ея видѣ; но по тщательномъ разсмотрѣніи, судя безпристрастно, не будемъ ли мы удостовѣрены, — что Религія, кромѣ блаженства нашего въ вѣчности, составляетъ гражданское наше благосостояніе и есть тошъ якорь, на которомъ утверждаются всѣ законы, всѣ учрежденія человѣческія средь бурныхъ перемѣнъ политическаго міра? — Будемъ неоспоримо: — ибо въ глазахъ нашихъ совершилось спасеніе Европы; а при чьей помощи Россія любезное наше Отечество не только устояла противу безчисленныхъ силъ врага на неѣ нахлынувшего, врага обуяшаго въ злоумствованіи лжефилософовъ, — не только отразила его — изстребила; но и спасла народъ Французской почти неиз-

цѣльно зараженный ядомъ злочестія; — при чьей, говорю, помощи, какъ не Религїи? — Не ею ли руководимъ благословенный нашъ **МОНАРХЪ** явилъ высокій примѣръ упованія на благость Божію, — примѣръ единственный, коего послѣдствія были столь спасительны, столь славны для насъ? —

И такъ станемъ благословлять вѣру всегда намъ благодѣющую; сохранимъ её чисту и непорочну — какъ получили отъ отцовъ своихъ; передадимъ её таковою же дѣтямъ нашимъ, потомкамъ нашимъ. Станемъ разпространять ея ученіе; дадимъ способы насладиться чтеніемъ словесъ Божественнаго Учителя тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои лишены были сего: — и такимъ образомъ исполнимъ въ точности долгъ сыновъ Вѣры и Отечества.

Россія быстрымъ шагомъ стремясь достигнуть того просвѣщенія, какое полагала существующимъ она въ областяхъ чужеземныхъ — поручила воспитаніе своего юношества иностранцамъ. Наспавники сїи, заразившись ядомъ безвѣрія въ

легкомысленномъ еще и суемудромъ отечесствѣ своемъ, — не основывали, по примѣру предковъ нашихъ, воспитанія на вѣрѣ и удалили отъ юношей всякое познаніе обіюной. Отъ того, къ сожалѣнію, часто видимъ между нами въ обоихъ полахъ людей, которые — не зная священнаго Евангелія — знаютъ наизусть цѣлыя мѣста изъ чужеземныхъ писателей, — не имѣя ни малѣйшаго свѣденія о догматахъ своей вѣры — могутъ подробно разсказывать содержаніе всѣхъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ романовъ!! —

Источникъ сего заблужденія находится не въ сердцѣ нашего юношества, одареннаго щедро всѣми спосеобностями отъ природы — дабы превзойти прочихъ народовъ мїра какъ въ нравственности, такъ и просвѣщеніи. Заблужденіе сіе легко можетъ быть исправлено переменною образа воспитанія, чему благотѣльное наше Правительство положило уже начало.

Дѣйствіе свѣта — прогоняетъ и уничтожаетъ мракъ; ученіе Богочеловѣка — есть истинный свѣтъ для насъ. И когда священныя книги здѣлаются по прежнему

книгами учебными для юношества; по вмѣстѣ съ познаніемъ Религіи равнодушіе къ оной исчезнетъ: она будетъ правиломъ и основаніемъ всей нашей жизни; отечественныя наши добродѣтели явятся во всемъ своемъ блескѣ — и тогда исполнится великая цѣль учрежденія Библейскаго Общества! — (*).

Харьковское Общество Благотворенія.

(Продолженіе.)

Вскорѣ по открытіи Совѣта получено было въ ономъ изъ Тобольска отъ Артиллеріи Полковника Фона — Креммера представленіе; въ немъ изображено жалостное состояніе двѣхъ Княженъ Ратіевыхъ — дочерей Предсѣдателя тамошней Гражданской Палаты, которыя съ смер-

(*) Издашелямъ остается только прибавить желаніе: чпобъ всѣ имѣли споль возвышенныя — благочестивыя мысли, — всѣ спремелися приве-
сти ихъ въ исполненіе и — блаженствовали! —

тїю родителей своихъ лишились пристанища и пропитанїя. Совѣтъ поспѣшилъ доставить имъ пособїе, прося Г. Креммера увѣдомлять, что еще нужно будетъ для сихъ несчастныхъ. Между тѣмъ годовой отчетъ Совѣта напечатанъ былъ въ вѣдомостяхъ 1812 года; тамъ же помѣщена была и статья о сихъ несчастныхъ Княжнахъ. Это было для нихъ новымъ благодѣянїемъ; ибо родственники, жившіе въ отдаленномъ отъ Тобольска краѣ, узнали о жалостномъ состоянїи и доставили имъ все, что нужно было для ихъ безбѣдной жизни. О семъ извѣстилъ Совѣтъ тотъ же великодушный предстатель за бѣдныхъ Г. Креммеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ свои услуги Обществу, принимая на себя званїе Корреспондента его по Тобольской Губернїи; при томъ представилъ онъ и о желанїи нѣкоторыхъ тамъ чиновниковъ присоединиться къ нашему Обществу Благотворенїя и бытъ онаго Членами. Совѣтъ принялъ это предложенїе съ отличнымъ уваженїемъ и такимъ образомъ, въ отдаленномъ краѣ Россїи, при первомъ извѣстїи о учрежденїи сего

Общества, приобрѣнены Члены оному и ихъ приношеніями оказана тамъ помощь около *осьмидесяти* семействамъ.

Вѣдѣви сего благодѣтельнаго заведенія начали распространяться въ сосѣдственныхъ Губерніяхъ. Всѣми почитаемый въ Екашеринославлѣ мужъ по своей учености и извѣстный жизнію посвященною на службу Государству и общей пользѣ Д. Т. Мизко, принявъ на себя обязанность быть Корреспондентомъ во всемъ Новороссійскомъ краю и стараніемъ его число Членовъ въ шѣхъ мѣстахъ довольно умножилось. Изъ получаемыхъ суммъ онъ дѣлалъ благоразумное употребленіе, доставляя пособія бѣднымъ къ нему относившимся.

Но ежели кто заслуживаетъ наиболѣе справедливую признательность всего Общества; то это по всѣмъ отношеніямъ Корреспондентъ его въ Черниговской Губерніи Г. И. Бажановъ, приобрѣтшій въ теченіе 1815 года 28 Членовъ, дѣлающихъ значительныя приношенія; и распоряженіе имъ суммы, вступающей отъ Членовъ въ его вѣденіе, есть самое прочное, основатель-

ное. Всю имъ получаемую какъ отъ Членовъ, такъ и отъ прочихъ благотворителей сумму — онъ вноситъ для храненія и приращенія въ Черниговскій Приказъ общественнаго призрѣнія, — предполагая, по умноженіи оной до извѣстнаго количества, изъ процендовъ ея содержатъ сыновей бѣдныхъ Дворянъ при Гимназій, а дочерей опредѣлять въ Харьковскій Институтъ для воспитанія дѣвицъ учрежденный. На такомъ прочномъ основаніи утвержденный капиталъ можетъ назваться вѣчнымъ и благотвореніе не престающимъ. — И какое благотвореніе можетъ быть сущест-
веннѣе, какъ не доставленіе воспитанія для юношества — по рожденію своему имѣющаго право на полученіе образованія, посредствомъ коего оно должно быть не только не лишнимъ, не только полезнымъ, — но и примѣрнымъ въ отечествѣ? — А воспитаніе и образованіе дѣвицъ, коихъ случаи жизни часто подвергаютъ въ нищету и потомъ бурные волны страстей и безнадёжности въ развратъ, — воспитаніе и приспособленіе такихъ дѣвицъ не есть ли особенное, истинно Христіанское Благо-

твореніе? — Примѣръ тому у насъ въ Харьковѣ вѣдь глазами каждаго. Институтъ для дѣвицъ отъ Общества Благотворенія свидѣтельствуешь о духѣ Слободскихъ Дворянъ, воздвигшихъ себѣ вѣчный памятникъ учрежденіемъ онаго. Желательно, что бы сомнѣвающейся въ истинной пользѣ сего заведенія пришелъ пуда, — не въ тотъ день, когда приглашаются посѣтители на испытаніе воспитанницъ въ наукахъ, — но въ день проспой, учебной; пришелъ и увидѣлъ бы: кромѣ 45 своекоштныхъ пансіонерокъ, 20 воспитанницъ одѣтыхъ чисто, опрятно, прилично мѣсту, — занимающихся по комнатамъ науками, искусствами, руководѣемъ, — разспросилъ бы ихъ о родѣ каждаго шитья и удобствахъ онаго, — испыталъ бы у нихъ сколько аршинъ чего нужно на платья имъ, что пошребно дабы хлѣбъ хорошо былъ испеченъ и кушанье приготовлено вкусно, — какое время удобнѣе для сажденія или сѣянія чего въ огородахъ; — предложилъ бы имъ по своему произволѣю каждой вопросъ изъ предмѣтовъ имъ въ классахъ преподаваемыхъ, —

пройдя съ ними на Глобусѣ и ландкар-
тахъ знавшіише въ Европѣ города, рѣ-
ки, горы, — любопытствуя о достопамят-
ныхъ произшествіяхъ въ Россіи и другихъ
Государствахъ, и получа на все удовле-
творительные отвѣты, спросилъ бы: что
это за дѣши? — Повѣрилъ ли бы онъ
письменнымъ документамъ въ архивѣ Со-
вѣта, что всѣ онѣ изъ самаго бѣднѣйша-
го состоянія — многія изъ нихъ не имѣ-
ли куска хлѣба, необходимой одежды и
человѣка помогающаго имъ; повѣрилъ ли
бы онъ, что это дѣши бывшіе въ иномъ
жалкомъ состояніи шолько при года еще
назадъ?... — Потомъ — если бы на осно-
ваніи устава имѣлъ онъ право осмотрѣть
и спальныя ихъ комнаты — увидѣлъ бы
ихъ кровати въ порядкѣ, постѣли чи-
стыя — опрятныя, — заглянулъ бы въ
шкафы, гдѣ платья и бѣлье все въ до-
статкѣ и разположено подѣ. Но каждой;
въ ихъ комодцы, — гдѣ всякая вещь, всякая
даже бездѣлка лежишь на своемъ мѣстѣ;
потомъ, услышавъ звонъ колокольчика сзы-
вающаго ихъ къ обѣду, посмотрѣлъ бы
на нихъ по парно — со всякою чинно-

спію выходящихъ къ столу, занимающихъ свои мѣста, дежурную читающую какъ должно молитву, — столъ снабженный бѣльемъ чистымъ, посудой простою, кушаньемъ достаточнымъ — вкуснымъ, безъ соусовъ и пирожныхъ, но очень довольнымъ; увидѣлъ бы ихъ послѣ стола подъ надзоромъ смотрительницы, подобную каковой по ея достоинствамъ, позваніямъ, любви и усердію къ порученнымъ ей дѣвицамъ, съ шрудомъ можно пріискать — идущихъ въ садъ, бѣгающихъ тамъ съ сердечнымъ веселіемъ, разсматривающихъ свои грядки и съ великимъ восторгомъ подбѣгающихъ извѣспить смотрительницу, что на цвѣточкѣ *такой то* показался новый листикъ; и проч. и проч.; потомъ, послѣ такового гулянья, по колокольчику возвращающихся въ комнаты и съ тѣмъ же непритворнымъ веселіемъ и удовольствіемъ идущихъ въ классы, какъ бы на новое гулянье; заглянулъ бы въ больницу, разсмотрѣлъ бы содержаніе, лѣченіе и присмотрѣлъ за бывающими больными малюшками; пусть бы, однимъ словомъ, разсмотрѣлъ всякую часть Института въ

особенности и все вообще, — то вѣрно спросилъ бы: изъ какого капитала все сіе содержится? — ему бы отвѣчали: *изъ двадцати пяти рублей*, — Точно такъ; каждый членъ Общества платитъ не менѣе сего и симъ содержится такое довольно обширное заведеніе, безъ всякаго опягощенія мѣстному, или вышшему начальству. — Но обратимся къ своему предмѣту.

Сшараніемъ Г. Бажанова [капиталь въ Черниговской Губерніи умноженъ въ годъ до 2700 руб. Въ слѣдующей книжкѣ Украинскаго Вѣстника сообщимъ списокъ членовъ вступившихъ въ ной Губерніи послѣ годового отчета Совѣтомъ публикованнаго (*); такъ равно и списокъ, кому именно послѣ того же времени сдѣланы Г. Бажановымъ вспоможенія.

Такимъ образомъ число благотвори-
телей не только не уменьшается; но день
отодня возрастаетъ. Пусть нѣкоторые
отрекающіяся отъ собственноручной под-
писки платятъ во всю жизнь свою по 25

*) Сынъ Отечествѣ №: 49. 1815 года.

рублей ежегодно; пусть другіе приводятъ въ оправданіе разстроенность обстоятельствъ, не позволяющихъ имъ плащить таковой суммы. О нихъ мы ничего сказать не можемъ, справедливость, или неправость скрываетъ въ ихъ сердцахъ; а сердце чловѣка можетъ проникнуть только одинъ сердцеѣдецъ Богъ. При томъ же они не по принужденію объявили себя благотворителями: благотвореніе не есть обязанность, — слѣдовательно ни кто и взыскивать не можетъ сего упущенія; развѣ только можемъ сожалѣть объ обстоятельствахъ таковыхъ людей — и въ обоихъ случаяхъ, закрывая одной рукою списокъ таковыхъ, другою — опмѣчая повторяемыя подавнія прежнихъ членовъ, исполняющихъ свято свое обѣщаніе предъ Богомъ, совѣстно и несчастными брашьями своими, — вписываемъ новыхъ членовъ, новыхъ благотворителей, слѣдующихъ приносить тысячи и лелты свои на пособіе ближнимъ; а судъ Божій пишетъ каждому свое опредѣленіе!! —

Будутъ всегда благотворительные люди и для сего новое доказательство: нѣ-

которые изъ членовъ Общества, понимающіе въ полной мѣрѣ цѣну благотворенія, — зная, что жизнь человѣческая подвержена превращеніямъ, переменѣ обстоятельствъ и желая удалить отъ сихъ переменъ хотя нѣчто изъ своего существованія — продлить и по смерти жизнь свою, — взносятъ разъ на всегда капишала въ сумму Общества состоящія изъ 250-ти и 500 руб. — и симъ точно увѣковѣживаютъ свое благотвореніе. Похвала таковымъ поступкамъ — ихъ не достойна; ибо, среди добродѣтелей, благотвореніе кажется больше всѣхъ внемлеть и и чтить слова Господа своего: *да не увѣсть шуица десницы дѣло.*

Черту однако же благодарности помѣщика нашей Губерніи Н. Ѳ. Алферова мы не можемъ здѣсь не привести: послѣ смерти благотѣтеля своего А. А. Палицына, въ благодарность за всѣ оказанныя ему отъ него милости и благотѣнія, онъ принялъ на себя обязанность отъ имени благотѣтеля своего плащить назначенную покойникомъ въ Общество сумму.

(Продолженіе впредь.)

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ.

Милостивые Государи!

Недавно былъ у насъ въ Харьковѣ одинъ случай, который долженъ послужить для всѣхъ родителей — любящихъ своихъ дѣтей — печальнымъ примѣромъ, сколь они должны быть осторожны въ выборѣ игрушекъ для дѣтей.

Продаются въ лавкахъ, также у разнощиковъ и конфетчиковъ дѣтскія игрушки, куклы, собачки, лошадки и, ш. п. сдѣланныя изъ алебаstra и выкрашенныя разными красками.

Двухлѣтнее дитя одного почтеннаго согражданина нашего получило отъ сосѣдей въ подарокъ такую игрушку и забавляясь ею, начало грызть ее и съѣло цѣлую головку. Родители полагая, что это мѣлъ — не обратили на то вниманія; потому что дѣти у насъ часто ѣдятъ мѣлъ. Черезъ часъ сдѣлалась у него страшная рвота и поносъ, продолжавшіеся цѣлые часы и съ этимъ выходила съѣденная игрушка. Родители испугались и ду-

мая, что дитя съѣло что нибудь вредное давали ему воды запивать, надѣясь чрезъ то прекратить его мученіе; но дитя съ большими отпираниемъ отказывалось отъ всякаго питья. Наконецъ рвота и поносъ унялись и дитя, чрезвычайно ослабѣвшее, выпило тушь два большихъ стакана воды. Укрѣпительныя лѣкарства ни мало не помогали; оно ничего не ѣло, но съ болшею жадностію все пило воду. Его дыханіе дѣлалось часъ отъ часу труднѣе и чрезъ нѣсколько дней оно кончило мучительную жизнь при сильныхъ судорогахъ.

Г. Профессоръ - Медикъ Каменскій, призванный на помощь къ дитяти — увидя игрушку подозрѣвалъ, что она произвела такое страшное дѣйствіе и взявши кусочикъ оной, вручилъ мнѣ, прося разложить его химически на составныя части.

По наружному виду безъ труда узналъ я, что это алебастръ, — покрытый красною и зеленою красками. Вѣсомъ онъ былъ въ 95 грановъ.

Химическое разложеніе показало въ немъ слѣдующія составныя части:

Сѣрнокислой извести (алебастру)	Гран.	41.
Углекислой извести	- -	15
Глинистой земли	- -	8
Кремнистой земли	- -	8
Свинцовой закиси	- - -	2,11
Мѣдной окиси	- -	3,50
Воды	- - -	15

Всего 92,61.

Количество свинцу и мѣди — хотя кажешся слишкомъ мало прошиву всей массы, что бы произвести такія ужасныя и смертоносныя дѣйствія; однакожь они находились на поверхности игрушки и суть изъ числа опаснѣйшихъ ядовъ.

Надѣюсь, Мм. Гг., что вы не оставите въ вашемъ журналѣ помѣстить сіе письмо, которое заставили меня писать мой долгъ и человеколюбіе. Можеть быть иной отецъ, или мать обращать вниманіе на это и будуть осторожнѣе въ выборѣ игрушекъ для своихъ дѣтей. Можеть быть мы спасемъ такимъ образомъ и жизнь какого нибудь дитяти; тогда и вы, и я довольно будемъ вознаграждены.

Имѣю честь быть и пр.

Орестъ Шуманъ.

Харьковъ.

1816 Февр. 8.

Магистръ Химіи.

СМѢСЬ.

Отрывки.

Для Славянолюбцевъ.

Приятно видѣть, какъ нѣкоторые жопятъ, что бы Руское было разтворяемо Славянскии. Но къ несчастію въ сочиненіяхъ тѣхъ, кои стараются слѣдовать сему правилу, — видимъ мы по большей части смѣшную лѣлню словъ. Они думаютъ облагородить свой обыкновенный языкъ неумѣстною вставкою великолѣпныхъ словъ и выражений Славянскихъ.

Надобно умѣть сливать оба идиотизма. Пусть Славянское слово, или выраженіе шеряется между Рускими и не выпавляется изъ нихъ. Пусть Рускія слова льнутъ къ нему; а не толкаются объ него. Иначе рѣчь всегда будетъ шероховата.

Смѣшите всего видѣть наборъ громкихъ словъ, по большой части Славянскихъ, въ какой нибудь торжественной Одѣ, въ какомъ нибудь Гимнѣ. Жалкій авторъ думаетъ, что съ нимъ вся при-

рода гремитъ, реветъ и бурлитъ, — когда онъ ломаетъ нашъ языкъ своею дѣлнею или мучитъ слухъ нашъ злбнымъ воємъ *огрыззающихся* словъ, которыя тщетно старается примирить его уродливое воображеніе. И часто въ то время, какъ у него въ головѣ производятъ борьбу стихій, въ стихахъ его борются слова; — не угомонныя! они выводятъ изъ терпѣнія бѣднаго читателя!!

За Женщинъ.

„Чтожь дѣлать? гдѣ намъ учиться? — вопіютъ нѣкоторые. Молодой Французской Авторъ учится тонкостямъ своего языка у женщинъ: Руской куда ни повернись, вездѣ слышишь Французскій языкъ. Кого же должно обвинять въ этомъ? — Большую часть мужей, а еще больше *скоро-слѣлыхъ* Авторовъ.

Молодая Руская дама (кто подумаетъ, чтобы это относилось ко всѣмъ?) находитъ въ библіотекѣ своего мужа порядочное собраніе *Французскихъ* книгъ; между ними кое гдѣ по угламъ попадаются и Рускія. Какія же думаете вы? По-

литическія по словамъ мужа, напимѣрь: *Театръ войны противъ Французовъ, Сонъ Бокаларта, Разговоры въ царствѣ мертвыхъ* и пр. и даже стихотворныя — подобныя Поэмѣ Лелетнева, которыми въ прошлыя войны наводнили наши книжныя лавки и о которыхъ, кажется, нельзя даже сказать и того, что сказалъ Вольтеръ о журналахъ.

Мужъ, которому нѣкогда и который иногда не хочетъ по произхожденію своему заняться образованіемъ вкуса, — покупаетъ у разнощиковъ за дорогую цѣну такія рѣдкости и спокойно ставитъ ихъ на полочки въ своихъ шкафахъ. Жена, которая по большей части разборчивѣе другой своей половины — находитъ книгу, смотритъ заглавіе, перевертываетъ страницы, читаетъ нѣсколько строкъ и, вышедши изъ терпѣнія, бросаетъ; она берется за другую, третью и т. д. при каждой перемѣнѣ происходятъ подобныя явленія! — Чтожь ей дѣлать? Она отдыхаетъ на какомъ нибудь порядочно переведенномъ романѣ; хорошій Французскій — рѣдко, рѣдко Нѣмецкій авторъ успокоиваетъ ее;

наконецъ при чтеніи нѣсколькихъ лучшихъ пѣсокъ Рускихъ она мирится съ нашею Словесностію.

Гдѣжь найши Руской дамѣ сильный, выразительный и крапкій языкъ? Наши духовныя книги имѣють свое единственное достоинство; но приличенъ ли церковный слогъ общежитію? Если бы слогъ юридическихъ, физическихъ и подобныхъ сочиненій былъ и чище; то и тогда разговорный языкъ не много бы выигралъ. Исторіи наши, въ которыхъ читашель и читашельница могли бы почерпнуть столько сокровищъ для своего языка, — написаны не такъ, чтобы могли льстить слуху и очаровывать его. Мы хвалимся нашими лириками; безспорно, они прекрасны: но опять, говорятъ ли такимъ языкомъ? Гдѣжь у насъ языкъ простой, натуральный, — не богословскій, не юридическій, не лирическій? Гдѣ языкъ сердца?

— Вамъ покажутъ маленькое собраніе лучшихъ отрывковъ въ стихахъ и прозѣ, изъ которыхъ вышла бы очень тоненькая книжка; вы читаете ихъ, любуетесь; но

не успѣете перевернуть нѣсколько листочковъ — уже и конецъ.

Утѣштесь! Скоро придетъ золотое время. Доблесть Рускихъ показала себя во всемъ величїи на поляхъ Лейпцига и подъ стѣнами Парижа. Герои - соотчичи наши свершили свой подвигъ: они возвратились къ намъ съ миромъ; подъ его шѣнію мирные сограждане наши въ свою очередь являть себя на поприщѣ всеобщаго просвѣщенія. Тогда мы не будемъ жаловаться на хладнокровіе богачей, поспѣшность сочинителей и скуку чинашелей. Г.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ.

Милостивые Государи!

Ну! попался я съ своимъ письмомъ, какъ сомъ въ вершу! — Не успѣла І-я книжка вашего Журнала появиться въ нашемъ окологдѣ, какъ всѣ сосѣди начали на меня указывать пальцами: это - дескать ты, ~~мы~~ подъ именемъ Фалалея Повинухина вздумалъ онличашся! Напрасно скры-

наше настоящее свое имя. — Ахъ, батюшки! да развѣ можешь кто не заикнувшись сказать: моя жена выродокъ изъ женщинъ, — зла, спѣсива, горда, сплетница и проч? И сколько я знаю молодицъ, именно съ такими достоинствами, но мужа при другихъ превозносятъ ихъ, какъ ангеловъ небесныхъ; что же они въ самомъ дѣлѣ думаютъ, о томъ разбирать не наше дѣло. Еще же, кто можетъ не совѣстясь сказать: я рабъ жены? Всякой хвалился, что я-де дома то-то и то-то и припишетъ себѣ такую власть, о какой дома и помечтать ему не позволятъ. — По симъ толико важнымъ причинамъ и я рѣшился было имя свое скрыть, да и не узнали бы — но вотъ бѣда! отъ избытка сердца глаголющъ усна и я разболталъ домашнїя тайны (Рѣдкой мужъ!). При томъ винюсь, и то еще было у меня въ головѣ: не я вѣдь первый, не я послѣднїй; и потому не воскликнетъ ли кто, прочтя писемое: *ужь не я ли это?* — Но нѣтъ! ошибся въ рапортѣ: по описанію домашней жизни моей, всѣ сосѣди меня узнали. Инъ нѣчего грѣха таить; виновать. Не выдайте

только передъ женою. Сосѣди обѣщали, я успокоился; все затихло, тѣмъ дѣло и кончилось Да! вѣдь одни добрые сосѣди знаютъ настоящее мое имя, а да-дѣе никто; — такъ за чѣмъ же открываться? Я для васъ, Гг. Издатели и для Публики остаюсь подъ прежнимъ имянемъ. И что можешь быть приличнѣе? Что я *Фалалей*, — то уже доказано и никто противъ этого не поспорить; а что *Повинухинъ*, то еще больше докажу, когда въ часы величайшаго гнѣва жены моей стану уединясь въ свой кабинетъ, описывать вамъ важнѣйшія приключенія моей жизни. Я ихъ скоро кончу; потому что, по выше изъясненной причинѣ буду имѣть досугъ писать въ сутки 12 часовъ. Написавъ, вамъ же пришлю; вы это помѣщайте уже гдѣ хотите. Въ статью о *Наукахъ и Искусствахъ*? — Годится: въ моихъ запискахъ много будетъ наставленій, какъ *научаться* терпѣнію и *искусству* отшмалчиваться, — когда безъ вины виноваты; а чрезъ это много выиграютъ носящіе брачные узы. Въ *Живописную прозу*? — Не испортить: хѣш шалости брашцевъ моихъ и проказы

сестрицъ, а притомъ мое благополучіе въ супружеской жизни живописны. Въ *Дѣтское чтеніе*? — Преползено: многіе дѣти узнаютъ, какъ свои шалости переводить на другихъ и какъ забавно шутить надъ учителями. Въ *Смѣсь*? — Не можешь быть лучше: такую смѣсь, какъ моя жизнь, врядъ ли вы еще гдѣ найдете. Въ статью о *благотвореніяхъ*, или въ *извѣстія о несчастныхъ*? — Нѣтъ ничего приличнѣе: — можешь быть ктонибудь изъ читателей, прочтя, вздохнетъ изъ глубины сердца и скажетъ: вотъ равный мнѣ въ несчастіи! А этаго развѣ мало для страдальца? — Въ *Стихотворенія*? И туда пожалуй: мой батъка Трифанъ, учившійся въ Семинаріи 10-ть лѣтъ назадъ, написалъ мнѣ стихи на день Пасхи и потомъ каждый годъ ихъ — то задомъ напередъ поставивъ, то съ боку на бокъ переверосивъ, то стопы и рифмы перековеркаетъ и всегда мнѣ ихъ подноситъ, какъ новые: хотя матерія все та же и толку по прежнему не добьешься; но — очень приятно имѣть въ деревнѣ собственнаго стихотворца. Ну, такъ мы съ нимъ, недѣльку посидѣвши, пришлемъ къ вамъ и

на рифмахъ. Однако о моей исторіи по-
слѣ. Теперь я вошь чемъ вамъ буду до-
кучать.

Бракъ нашъ дѣтскими не благословился, —
и конечно за наши прегрѣшенія; но у же-
ны моей есть — воспитанница давно
уже взята. Кто она и откуда, ма-
люшка не знаемъ; а кто знаетъ, тошъ
молчитъ; въ числѣ сихъ и я: полагаю
также что и жена моя о томъ не-
безъизвѣстна. Однимъ словомъ, она воз-
любила ее какъ *родную* дочь свою, а я —
ничего грѣха таишь, какъ падчерицу. Дѣвоч-
ка будетъ большая плутовка; потому-то
намъ и хочется воспитать ее, какъ долж-
но. Жена не велитъ мнѣ ничего жалѣть
на это и сама спрашивъ много. Ей минуло
только еще 14-ть лѣтъ, а уже играетъ на
флигелъ 24 штуки; есть и голосокъ:
мой понамарь, бывши въ Семинаріи, ходилъ
въ пѣвческую и зашвердъ что *утѣ* и что
солъ, училъ ее теперь пѣнію; и такимъ обра-
зомъ въ храмовой праздникъ пицить она
на крылосѣ съ рѣзкоголосыми моими пса-
рями хоть бы куда — и уже на варіаціи
поднимается. Кромѣ церковной печати

тобѣ пѣсенники она читаетъ и кое-что для примѣра знаетъ наизусть. Надъ писаньемъ мы ее не мучимъ: жена моя говоритъ, что писать ее научишь сама натура, когда придетъ время. О рукодѣльѣ и хозяйствѣ мы и не помышляемъ; къ чему дѣвку приучать къ низкимъ занятіямъ? У ней же будетъ свой кусокъ хлѣба. При такомъ воспитаніи чего бы кажется ей недоставало? — Но вотъ что сокрушаетъ мою жену: *иностраннаго*-то она еще ничего не знаетъ; хоть бы болтать немного приучилась. Ну что съ нею безъ того? Выведемъ въ люди; а она будетъ пень пнѣмъ! Съ воздыханіемъ сердечнымъ я прибавляю: такъ, мамушка, правда твоя! — (да и когда была ея неправда?). И такъ Милостивые Государи, къ вамъ теперь обращаюсь. Знакомыхъ у меня въ Харьковѣ нѣтъ никого, а надобно вызвать желающихъ. Газетъ у насъ нѣтъ; поспрайтесь чрезъ вашъ Вѣстникъ извѣстить, что нужень-де къ такому-то иностранцу — учить дѣтя по Французски. А вотъ вамъ и слѣдъ: къ намъ на квартиру въ Харьковѣ приносилъ хлѣбы продававшъ одинъ.

иностронецъ и, кажется, Французъ. По-
спридишесь отыскашь его и поговорить
съ нимъ, не согласишся ли онъ? — Вотъ
кондиціи: жалованья въ годъ отъ 500 до
1000; столъ, чай и проч., все съ нами:
одѣвать будемъ, какъ прилично; особая
комната, прислуга и экипажъ—куда и ког-
да захочешь. Должность его: Дуняшу въ
два года выучить болшать хотя упошре-
бительныя въ Публикѣ слова; до пра-
вильнаго выговора дѣла нѣтъ, — въ свѣтѣ
понастрѣтся. Когда Г. Мусье можетъ у-
чить чинать, — то хорошо; а когда
нѣтъ, — то и не нужно. Булошницу мо-
ей жены выучить по своему печь хлѣ-
бы; по вечерамъ съ женою расклады-
вать *гранду а ласйонъ*. А въ пользу
мою только и прошу, чтобъ псаря Яшку
поучилъ, какъ запаривать кормъ собакамъ:
Французъ долженъ всё знать; а Яшка-воръ,
переморилъ у меня смычка четыре что ни
лучшихъ. Когда Г. Мусье 'на все сіе
согласился; — то пусть призываетъ
въ село Онъ очень понравился
женѣ моей. Да ужъ и проказникъ же,
и весельчакъ, и преострая голова! Мы его

ни слова не понимали; однакожь премного
хохотали, когда онъ намъ что нибудь
разсказывалъ по своему. Нѣтъ-таки вид-
но, что умница! Ужь Француза потчасъ
примѣтишь. Поспѣшите, батюшки, опубли-
ковать о моей надобности. У дѣвчонки
время уходитъ; жена моя скучаетъ; а я
все также, какъ и былъ и проч.

Фалалей Посинухинъ.

Февраля 3 дня 1816.

Село очень извѣ-
стно и пошлѣ не скажу.

*Библіографія выходящихъ въ Харь-
ковѣ книгъ.*

Новая книга:

4. De la civilisation des Tatars-Nogais dans le
midi de la Russie Européenne. Par le P.
De Gouroff. Charkow. 1816; 122 pag.
-

Сочиненія Акима Пахилова, и прот.
(Окончаніе).

1.

Описаніе голода.

Уродливый скелетъ, вооружась клюкою,
Пушился въ дальный путь съ походною сумою;
По ребрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
И пламенный надѣлъ на голову колпакъ;
Гремишь онъ на бѣгу изсохшими костями
И челюсть искрививъ гигантъ спучишь зубами....

2.

Восторгъ подъячихъ.

Когда съ бумагой въ судъ приходитъ челобитчикъ,—
Кряхтитъ и кашляетъ онъ радости повышчикъ,
Облизывается въ восторгъ Секретарь
И нюхаетъ табакъ приказна мѣлка гварь.
Проситель корчится, подъячіе бодрится (*);—
Змѣею долженъ онъ предъ гадою увиваться!

3.

Плутоновъ дворецъ.

Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца:
Ошверзались мнѣ врага геенскаго дворца.

(*) Издавши осмѣлялись сдѣлать перемѣну; въ подлинникѣ спохватъ гордятся; имъ показалось
это лучшимъ.

Въ огнѣ и въ пламени монархъ мнѣ адскій зрится ,
Пресполь его въ дыму , какъ вещьина капшися ;
Покрыты сажю порфира и вѣнецъ ,
Его величество шахъ черно какъ кузнецъ .

4.

Мода.

Простерла мода перспѣ — и вдругъ дѣвицы , дамы ,
Какъ вѣдьмы спали всѣ съ предлинными хвостами ;
Рекла — и волосы нависли на глаза ;
Велишь — и лысина , гдѣ были волосы ;
Восхоцещъ — и всѣ вдругъ дѣвицы обнажатся
И будутъ голыя , какъ дикія , таскашся ;
Прикажеть имъ — и вмигъ одѣнутся въ мѣшки
И вмѣсто чепчиковъ нацнущъ носитьъ горшки .
Мигнеть — и шѣ , что нынѣ лепечущъ по Французски .
Заквакающъ въ домахъ , какъ жабы , иль лягушки .

5.

Къ суло-и-соусо-любцамъ.

Безумные враги отечественныхъ шей !
Не зрю я въ васъ Славянъ , не зрю богатырей :
Насилу движущся полмершвы ваши шруны !
Оставьте наконецъ вы соусы и супы ;
Не Галламъ вы должны , а предкамъ подражать , —
Прямою доблестью и кузомъ щеголять .

6.

Дислутъ.

Представь себѣ мой другъ , безъ лести и отважно
Сие поворище поль дивно и поль страшно ;

Когда латынью напыщенный Педантъ,
 Превыше облака свой вознесъ шпалантъ,
 Вспрѣчается съ другимъ ему противной секты;
 Съ обѣихъ вдругъ споронъ стремятся аргументы:
 Тотъ Аристоцелемъ сопернику грозитъ, —
 Схвативши Канта, сей противника разишь.
 Трещашъ софизмами начиненны дилеммы,
 Ревушъ по воздуху огромныя системы; —
 Удару слѣдуетъ ужаснѣйшій ударъ,
 Въ герсяхъ множится свирѣпый брани жаръ;
 Но оба вдругъ снарядъ логическій теряють
 И кулаками бой за истину рѣшають:
 Лежащъ разперзаны на часпн парики
 И носящся власовъ напудренныхъ клочки.

7.

Изъ Зевринца.

1.

А ты что скажешь намъ, Баранъ?
 — О! я сударь изъ шолбовыхъ дворянъ:
 На бранимъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы;
 А я мухъ колошилъ въ деревнѣ для забавы.
 Мой предокъ для того безъ сна въ шрудяхъ пошѣлъ,
 Чтобъ послѣ правнучекъ пошѣлъ, поспалъ, пошѣлъ!

2.

Ну, ты Хомякъ, скажи, ты что былъ за дѣшнина?
 — Ахъ, государь, я былъ торговый мужичина:
 Товаромъ мѣлочнымъ сперва я началъ шоргъ, —
 Стыдъ, правда, совѣсть, Богъ —

На чисты денежки все это продавалось;
Иной день разъ пятысопъ божиться мнѣ случалось!
Когдаже нажилъ я изрядный капишалецъ, —
То такъ богобоязливъ спалъ,
Что лишь по старой я привычкѣ воровалъ:
За доброе подѣ часть я продавалъ гнилое,
И бралъ не болѣе, какъ въ пяперо, иль въпрое. —
Аршинъ и ножницы, вѣсы, рука и взоръ,
Зубъ каждый у купца и даже лавка воръ, —
Не долженъ покушникъ оплюнуть обертокъ вѣришь;
Готова и она объяснить и обмѣришь.

8.

Индѣйскій пѣтухъ.
(Изъ птичьего міра.)

Какъ предъ Троиломъ взгляды сверкалъ Ахил-
ловъ звѣрскій;
Такъ взоромъ филину грозилъ пѣтухъ Индѣйскій.
Онъ распырившись прегордо хвостъ несетъ,
Вращаясь крыльями, описываетъ свѣтъ,
Синѣетъ рожа вся, трясется носъ мясистый,
Кричитъ на Филина: вы всѣ, всѣ ашеисты!

Сколько есть тварей похожихъ на
этого пѣтуха! но ихъ собственно причи-
слишь надобно къ *полугаямъ* человѣче-
скаго рода; потому что они, часто не
имѣя надлежащаго понятія объ истинной

религій, твердятъ за первымъ попавшимся имъ фанатикомъ и вмѣсто всякихъ доказательствъ осыпаютъ бранью того, кто не имѣетъ чести быть столькоже глупымъ, какъ и они.

Изъ прозаическихъ *Нахимова* сочиненій особенно отличается *Сказаніе о Велидѣ и объ иноплемennыхъ приказныхъ*. Сила выражений и остроуміе автора почти равняются гнусности предмета, который въ *скарденныхъ* своихъ видоизмѣненіяхъ разнообразенъ до безконечности. Во всей пѣсѣ нѣтъ ни одного лишняго слова. Прозаическія описанія его столько же почны, какъ и стихотворныя. Вотъ нѣсколько отрывковъ, которыя мы *стачаемъ* по своему.

Новомодное описаніе Ночи.

„Шесть парадныхъ филиновъ важно подвигали торжественный берлинъ, откуда выглядывала угрюмая Ночь, оправляя на себѣ блестящія звѣзды.

Ночныя занятія Юл. подъячихъ.

„Клянусь Спиксомъ, что на Юпитерѣ подъячіе самыхъ неугомонныхъ шварі.

Теперь во время ночной тишины иные изъ нихъ за каршочными столами гремятъ алпынами, другіе при неистовыхъ восклицаніяхъ бьютъ въ дребезги опорожненныя фляги и красоули; иные же въ ябедническомъ изступленіи заспавляють кричащъ несчастныя перья; даже и шѣ, кошорыхъ Морфей держишь на привязи, нарушають страшнымъ храпѣніемъ спокойствіе при-
роды.

Красота ихъ.

„Демида удивилась красотѣ Зари, а сія сказала ей: „такъ ли удивишься ты, когда увидишь дѣвственную красоту подъячихъ здѣшней планеты? Райскія розы цвѣтуть на ихъ пухлыхъ ланишахъ и небесная лазурь бываетъ не рѣдко у нихъ подъ глазами. . . .

Чувствительность ихъ.

„Само солнце никогда не зрѣло на Юпишерѣ такого дива, чшобы великолѣпїемъ его восхищался подъячїй; въ гадахъ и чудовищахъ возбуждають кажется солнечныя лучи нѣкоторое чувство благо-

дарности; а въ подъячихъ — сихъ одаренныхъ жизнью куфахъ, производять они только броженіе. . . .

• *Полное описаніе Юл. подъячихъ.*

„Разнозвучные голоса колоссальныхъ жителей Юпитера потрясли воздухъ. Сиповатый и принужденный голосъ подъячихъ отличался отъ другихъ и былъ неносенъ для ушей Правосудія. — Вскорѣ покрылась Ѳемидина площадь нижайшими формами: онѣ имѣли скрюченное туловище, проворныя ходули, острые когти, желѣзный лобъ, мушныя глаза, ноздри табакучущія, уста водки жаждущія, уши длинныя пернатые и карманы широкіе, укладистые. . . .“

Не менѣе любопытно *Историческое и философическое разсужденіе о блохѣ*, равно какъ и сшашья *О словесныхъ обезьянахъ*.

Заключимъ: *Нахилловъ* займешь мѣсто между лучшими нашими сатирическими писателями и пожалѣемъ о томъ, что его такъ рано похишила смерть у Музы и дружбы.

А скромный Издашель его заслуживаетъ всю нашу признательность за то, что поспѣшилъ намъ сдѣлать такой пріятный подарокъ.

Г — йй.

Почтенные Господа Издатели Украинскаго Вѣстника !

Полтавской Губерніи, Переяславскаго уѣзда, въ селѣ Демянцахъ живущая вдова Капитанша *Барвинская* пожилыхъ лѣтъ съ дочерьми находящаяся въ бѣднѣйшемъ положеніи, занимаясь единственно обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей Руской грамотѣ. Покорно прошу васъ помѣстить сіе въ издаваемомъ вами Вѣстникѣ и чрезъ то споспѣшествовать распространенію благороднѣйшихъ благородныхъ особъ, и освобожденію таковыхъ отъ нищеты.

Желающій быть въ такихъ дѣлахъ неизвѣстнымъ.

1816 года,
Февраля 2 дня.
Каменецъ-Подольскъ.

Увѣдомленіе.

По желанію Фалалея Повинухина Издатели десяти рублей его препроводили куда слѣдуетъ, и получили въ отвѣтъ, что на оныя выкуплена изъ острога дѣвка содержавшаяся тамъ за воровство. Деньги, по собственному признанію Г. Повинухина, *украдены* имъ у Г-жи его супруги; и потому они сдѣлали приличный оборотъ. Но впередъ Издатели не будутъ употреблять присланныхъ денегъ на подобные случаи, дабы не подать надежды какому нибудь злому человѣку къ незаслуженному освобожденію.
